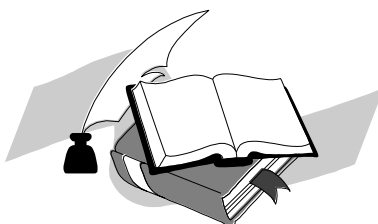

ИБИС

Альманах
№ 19

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

№ файла

- Первая страница обложки 01
- Вторая страница обложки 02
- Эпиграф к журналу 03
- Инструкция к чтению журнала 04

- Настоящая литература! "Прах и пепел": роман Анатолия Рыбакова
о временах сталинизма (гл.4) 05
- Так действительно было; я помню! — Выдержка из романа
Василия Гроссмана 06
- Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени
и ближайшем будущем?.. (продолжение) 07
- "Альтист Данилов" (продолжение; глава 18) 08
- Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука,
или Любовь к привидению" (гл.4) — В. Орлов 09

- Теософский словарь — Дж. Мид 10
- Стихотворение — Редьярд КИПЛИНГ 11
- Философема 12
- Цитата номера 13

- Третья страница обложки 14
- Четвёртая страница обложки 15

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание данной рубрики. Эта картинка — и вообще рисунки — видны только в режиме "Просмотр страниц" (по-английски "Print Layout View"), почему мы на третьей странице обложки стандартно просим читать именно в этом режиме. Рисунок (картинка) строения атома придан, например, рубрике "Наука", и так далее. Иногда название рубрики вынесено в колонтитул, и рисунка-картинки тогда, как правило, нет — её заменяет название рубрики и стандартное, рядом с названием, изображение трёхлепесткового пламени над чашей. Агни-йоговцам и сторонникам Профетов это будет особенно близко... Так что если вместо рисунка-картинки при рубрике вы увидите нечто другое — значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё. Мы, со своей стороны, всё проверили.

Вот примеры рисунков-картинок, которые могут быть на Вашем компьютере не видны и заменяться буквами или чем-нибудь другим: 1 — золотой христианский крест; 2 — красный автомобиль скорой помощи.

1:

2:

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции

Вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

После первой поездки Шарока в Париж последовала вторая, а потом его там оставили с добытым в Испании паспортом русского эмигранта Юрия Александровича Привалова. Удача была в совпадении имен: и его, и покойного звали одинаково - Юрий. Легенда была хорошо проработана. Мальчиком очутился в эмиграции, в Шанхае, родители умерли, перебрался в Париж, работает в рекламной фирме, хозяин - француз. В России, в Нальчике, остались дальние родственники, с ними, естественно, связи не поддерживает, да и живы ли они, не знает. "Крыша" хотя и не дипломатическая, но надежная. Шпигельглас доверил ему связь с двумя агентами - генералом Скоблиным ("Фермер") и Третьяковым ("Иванов"). С "Фермером" Шарок уже встречался раньше, вместе со Шпигельгласом, когда готовили дело Тухачевского, а досье Третьякова - "Иванова" изучил в Париже. Сергей Николаевич Третьяков, до революции крупный российский промышленник, в 1917 году министр Временного правительства, затем министр в правительстве Колчака, завербованный в 1930 году за 200 долларов в месяц, обладал хорошей репутацией среди эмигрантов. Но главная его ценность как агента заключалась в следующем: в доме Третьякова (улица Колизе, 29) на первом

этаже размещался штаб РОВСа, Российского общевойинского союза, семья Третьякова жила на третьем этаже, а сам он - на втором, как раз над кабинетом руководителя РОВСа генерала Миллера. В потолке кабинета установили подслушивающее устройство, Третьяков сидел весь день дома со слуховым аппаратом, записывал, записи передавал Шароку. Таким образом, советская разведка имела доступ к самой секретной информации о белогвардейской эмиграции.

И встречаться с Третьяковым было приятнее, чем со Скоблиным. Скоблин держался высокомерно, да и встречи с ним были опасны: эмигранты подозревали его в сотрудничестве с НКВД, за ним могли следить, приходилось часто менять время и место свиданий. Третьяков был вне подозрений, они встречались по средам около пяти в кафе "Генрих IV" на углу Площади Бастилии и бульвара Генриха IV-го, сидели в небольшом полупустом в этот час зале, о деле никогда не говорили, клали на стол принесенные с собой журналы, Третьяков уходил с журналом Шарока, Шарок с журналом Третьякова, в нем лежали тексты подслушанных разговоров.

В свое время Шпигельглас предупреждал:

- Третьяков разочаровался в эмиграции, но выдает не всю информацию, какой обладает. Вам следует все время выказывать недовольство, требуя большего. Он работает

исключительно ради денег и будет у вас всячески их кланчить и вымогать. Не поддавайтесь. Двести долларов в месяц - ни цента больше. Будет плохо работать — давайте по сто, остальные - когда выдаст что-нибудь дельное. Расписка обязательна. Особенно остерегайтесь его экскурсов в прошлое: он любит вспоминать старину и заболтает вас.

Однако Шарок был доволен Третьяковым. В отличие от коротких, отрывистых и не всегда существенных сообщений Скоблина информации Третьякова были обстоятельны и значительны. Высокий, красивый, вальяжный русский барин мелкими глотками потягивал кофе, пускаясь в рассуждения о дореволюционной России, о старой Москве. Шарок вопреки совету Шпигельгласа не прерывал Третьякова. Почему не послушать? Но в то же время, наблюдая за стариком, делал свои выводы: переменчив в настроениях. Блаженная улыбка так же легко сходила с его лица, как и появлялась, он хмурился, багровел, принимался ругать эмиграцию:

- В смысле борьбы с Советами потеряла всякое значение, грызутся друг с другом. Иностранные державы перестали делать на нее ставку. На покойников, как известно, ставки не делают.

Шарок отводил на встречи с Третьяковым минут сорок, не подозревая, что скоро ему придется провести с ним почти двое суток, не расставаясь ни на минуту. Случилось это во время похищения Миллера. Миллер знал, какую роль сыграл Скоблин в деле Тухачевского и других советских военачальников. Именно поэтому Шпигельглас считал его нежелательным свидетелем и вместе со Скоблиным подготовил акцию похищения, назначив ее на 22 сентября. На этой операции Скоблин и провалился.

Перед уходом из штаба генерал Миллер оставил запечатанный конверт с приказанием вскрыть его в том случае, если к вечеру он, Миллер, не вернется.

Миллер не вернулся, конверт вскрыли, в нем лежала записка:

"Сегодня в 12 часов 30 минут у меня назначена встреча с генералом Скоблиным на углу улиц Jasmin и Raffet. Он должен отвезти меня на randevu с двумя немецкими офицерами: полковником Штроманом и сотрудником здешнего германского посольства Вернером. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, это ловушка, поэтому я оставляю вам эту записку".

Записку сотрудники Миллера предъявили Скоблину и предложили отправиться с ними в полицию. Однако Скоблину удалось бежать и связаться со Шпигельгласом. Тот приказал Шароку спрятать его у Третьякова, то есть в

доме, где находился штаб РОВСа и где никому в голову не могло прийти его искать. Через два дня Шпигельглас переправил Скоблина в Испанию, а сам уехал в Москву.

Увидев Скоблина, Третьяков перепугался, а на следующий день, узнав из газет, что Скоблин участвовал в похищении Миллера, перепугался еще больше - скрывая Скоблина, он становился соучастником преступления. Два дня Шарок держал его под своим неусыпным контролем, успокаивал старика, а когда Скоблина переправили в Испанию, выдал ему пятьсот долларов за оказанную услугу. Таково было распоряжение Шпигельгласа. Третьяков успокоился, тем более имя его в связи с этим делом нигде и никем не упоминалось, он попрежнему вне подозрений.

Подробности о похищении Миллера Шарок узнал из газет. Скоблин привез Миллера на бульвар Монморанси, где в воротах виллы два человека втолкнули его в машину и она тут же отправилась в Гавр. В Гавре ящик, в который запрятали Миллера, перегрузили на борт советского парохода "Мария Ульянова", пароход снялся с якоря и ушел в Ленинград. О дальнейшей судьбе генерала Миллера Шарок мог только догадываться - наверняка расстреляли.

Внимательно читая газеты, Шарок усмехался про себя - шумят, кричат. Большевики на территории Франции среди бела дня похищают

людей! Похитили генерала Кутепова, теперь генерала Миллера! Грузовик, на котором доставили Миллера в Гавр, принадлежит советскому посольству. В кампанию включился знаменитый Бурцев, разоблачивший в свое время провокатора Азефа. Бурцев утверждал, что главный агент Москвы - не Скоблин, а его жена - известная русская певица Плевицкая. Скоблин при ней на вторых ролях. Плевицкую арестовали, дожидается в тюрьме суда. Обстановка накалялась, Шпигельглас и кое-кто из резидентов отсиживались в Москве. Хорошо законспирированный Шарок остался в Париже. Помимо всего прочего, занимался немецким.

Шпигельглас ему как-то сказал:

- Разведчик должен знать минимум два языка. В школе у вас был французский, в институте - немецкий, так написано в вашей анкете.

- Да, в институте был немецкий.

- Вот и займитесь. Ваш хозяин - эльзасец, жена - немка, говорят и по-немецки, вот вам практика.

Шутливо, но со значением добавил:

- Занимайтесь прилежно, будем проверять. И еще: завязывайте связи с эмигрантами на

бытовом уровне, можно и на деловом, коммерческом, если понадобится. У вас должен быть круг знакомых, которые смогут засвидетельствовать: "Ах, Юрий Александрович... Мы его знаем". Это могут быть простые люди, не обязательно титулованные особы.

- Среди простых эмигрантов бывают и князья,
- пошутил в свою очередь Шарок.

- И это подходит.

5

Семен Григорьевич пригласил еще двух аккомпаниаторов - пианиста и баяниста. Баяниста звали Леня - здоровый добродушный парень, безответный, покладистый, таскался со своим баяном, куда прикажут, играл по слуху, репертуар примитивный, выпивал, составил в этом смысле компанию Глебу, да и Саше, Саша в последнее время тоже прикладывался, иногда крепко. Второй - пианист, профессионал, Миша Каневский, худенький, с нервным лицом, серыми беспокойными глазами и длинными красивыми пальцами, учился в ленинградской консерватории, не закончил, попал в Уфу, в Гастрольбюро, работы было мало, и вот принял

предложение Семена Григорьевича, от работы в ресторанном оркестре отказался:

- В ресторанного холуя "они" меня не превратят. - И на лице его блуждала скорбно-презрительная улыбка, кривил губы.

Мишу выслали из Ленинграда в 1935 году, после убийства Кирова, в числе нескольких тысяч "представителей буржуазии и дворянства". Его отец, адвокат, владел до революции домом в Санкт-Петербурге. После революции дом реквизиовали, адвокат попал в число "бывших крупных домовладельцев", Миша значился "сыном бывшего крупного домовладельца". Таких ребят в Уфе было много, положение их неясное, паспорта не отобрали, только ликвидировали ленинградскую прописку. Будущее свое Каневский представлял, конечно, совсем иным, и вот по "их" милости оказался в Уфе, в роли тапера. Всё в этом городе было ему ненавистно: "их" клубы, "их" пианино и рояли, которые уже давно пора настраивать, но хамье этого не понимает, "их" лозунги на стенах, "их" пошлые современные мелодии, которые ему приходилось играть. В душе презирал Глеба и Леню, никакие они не музыканты, Семена Григорьевича, Нонну и Сашу - халтурщики, сшибают деньгу, держался особняком, не вступал в разговоры, даже курил, стоя в стороне. Как только кончались занятия, мгновенно исчезал.

Глеб его невзлюбил, держался с ним холодно.

- Не выношу еврейского интеллигентского высокомерия, - сказал он Саше.

- Оказывается, ты антисемит? Не думал.

- Я не антисемит, дорогуша, все мои друзья и в школе, и в училище были евреи. И соседи по квартире тоже, прекрасные люди! И мои учителя многие - евреи, таких учителей не найдешь! Но у каждого народа есть свои недостатки, у еврейских интеллигентов - высокомерие. Каневский много о себе понимает, считает себя гением.

"Этот армянин", "этот хохол", "этот грузин" - противно слушать. Иванов украдет — скажешь: "Иванов вор". А Рабинович украдет — скажешь: "Еврей вор". Неприятный тип.

- Тип - это ты! А он несчастный, гонимый человек.

Во время урока Глеб поглядывал в сторону Саши, чувствовал себя виноватым после разговора о Каневском. Потом перестал об этом думать, играл, покачивая в такт музыке головой, лицо было размягченным, глаза отсутствующими, видимо, что-то вспомнилось. Занятия кончились, а он все сидел за пианино, опустив руки на колени. Кивнул Саше: подойди!

- Ты заметил, дорогуша, что настроение создают самые незатейливые мелодии, самые простенькие слова. Не надо никаких выкрутасов, но желательно, чтобы было слово "помнишь". Тут, скажу тебе, дорогуша, никто не может устоять.

- Например?

- Пожалуйста, даже с твоим именем: "Саша, ты помнишь наши встречи в приморском парке на берегу. - Он тихонько подыгрывал себе одной рукой. Те, кто не успел уйти, возвращались от двери. Глеб хорошо пел, Саша это знал еще по Калинину.

- Саша, ты помнишь тихий вечер, весенний вечер, каштан в цвету..." Это Изабелла Юрьева, а вот тебе Лещенко: "Помнишь, как на Масленой в Москве в былые дни пекли блины, ты хозяйкой доброю была и блины мне вкусные пекла". Ну и так далее.

Саша уже вел занятия самостоятельно, сам произносил вступительные речи, не повторял Семена Григорьевича, цитировал не Сократа и Аристотеля, а Пушкина:

Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и жизнь, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки; только вряд

**Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.**

**- Если бы Пушкин появился на наших занятиях,
- заключал Саша, - то убедился бы, что в
России стройных ножек гораздо больше.**

Все улыбались, и Саша начинал занятия.

**- Здорово ты придумал с Пушкиным, - одобрил
Глеб.**

**Каневский, обычно не вступавший в
разговоры, усмехнулся:**

**- Современно и своевременно. Отмечали
столетие со дня гибели Пушкина, теперь его
знают все советские люди. Я прочитал в газете
выступление не то доярки, не то свиарки, не
помню: "Молодец Татьяна: отшила Онегина.
Когда простенькая была, в деревне жила -
отказался от нее. А как генеральшей стала,
сразу понадобилась".**

**Он замолчал, попрежнему скорбно-
презрительно кривя губы. С Сашей, с
единственным у него тут сложились более или
менее дружеские отношения. Саша жалел его,
озлобленного и беспомощного, жалкого в
своей гордыне. Каневский чувствовал Сашино
участие, перебрасывался с ним двумя-тремя
фразами, именно ему охотнее всего
аккомпанировал. Но сегодня не смог
сдержаться. Слишком совпало это с**

пушкинскими торжествами, проведенными на государственном уровне с фальшивой помпезностью. И пользоваться его именем здесь, на этой халтуре? Саша и сам чувствовал, что дует в общую дуду. Но жалко было отказаться от такого радостного вступления к занятиям. Разглагольствовать об эксплуатации капиталистами негритянского населения Америки? Нет, стихи Пушкина о балах, о тесноте и радости здесь больше подходят.

- Подкусил тебя сегодня Каневский, подковырнул, - заметил Глеб.

- Чем это?

- Пушкиным... Мол, власти используют Пушкина, и ты с ними заодно.

- Ну что ж, так может показаться.

- Не всем, дорогуша, не всем. Мне вот не показалось, мне, наоборот, понравилось. А ему нет. "Свинарки", "доярки"... Видел он этих свинарок и доярок? Молочко небось пьет, а доярок презирает. Он бы хоть раз на их руки посмотрел. Пальцы корявые, распухшие, ими по клавишам не потренькаешь, попробуй подои корову, поймешь, сколько сил надо.

- Дался тебе этот Каневский! Может быть, тебе не нравится, что он играет на рояле не хуже тебя?

- Он обязан играть лучше меня, он учился в консерватории, а я нигде не учился; к тому же я не музыкант, а художник. Мне не нравится другое: мне не нравится, что мы из-за него в тюрьму сядем. Вот что мне не нравится.

Саша пожал плечами.

- Да, да, дорогуша, представь себе! Насчет Пушкина он сказал издевательски: в Пушкина вцепились хамы.

- Зачем искать такой смысл? Извратить можно любое слово.

- Я ничего не извращаю, дорогуша. Но быть бдительным, как сейчас говорят, я обязан, должен быть на страже, думать о том, кто рядом со мной и чего я могу от кого ожидать. Время такое, дорогуша, а ты тем более обязан! В Калинин ты еще чувствовал себя бывшим зэком, осторожным был, а здесь забыл, вот и вляпаешься. Впрочем, ты уже и в Калинин бдительность потерял.

- В чем именно?

- Я тебя там в "Селигере" предупреждал насчет режима. Ты должен был на следующий же день уволиться со своей задрипанной автобазы и мотать оттуда вместе со мной. А ты остался.

- Мы с тобой уже говорили об этом. Уволился на несколько дней позже.

- Нет, дорогуша, нет, - поморщился Глеб, - не уволился, а уволили. "Ввиду убытия" - это значит: или посадили, или из города выгнали. Ты ещё счастливо отделался. Могли не просто лишиться права проживания, могли и выслать. Только, видно, короткий срок им дали, некогда было разбираться, кого куда, а так всех чохом - вон из города, и концы. Задание выполнено!

- Неизвестно, как бы получилось, если бы я уехал с тобой. А так у меня все законно: с работы уволен, с места жительства выписан.

- Выписан! А где прописан? Не чешешься? Как твой любимый Пушкин писал: "Зима, крестьянин торжествует, надел тулуп и в ус не дуёт". Вот и ты не дуешь! Живешь себе тихо, спокойно. А случись сейчас здесь драка с этими вот башкирами, вмешается милиция - ваши документы! Позвольте, а где вы прописаны? Нигде! А у нас больше трех суток жить без прописки не положено. Может быть, вы скрываетесь, может быть, вы преступник? Сейчас у тебя несколько месяцев без прописки,

а там, глядишь, и полгода, и год накапает. Приедешь в другой город, придешь прописываться, а тебя спросят: где год околачивались? Что скажешь? На новом месте другой Людки и Лизы-паспортистки может и не найтись. Да и здесь Мария Константиновна в Гастрольбюро увидит твой паспорт и скажет: снимаю вас с учета, у вас нет прописки. Кстати, дорогуша, я тебе говорил: надо явиться к Марии Константиновне с паспортом. Говорил?

- Да, говорил, но как-то мельком.

Глеб хлопнул обеими ладонями по столу.

- Что ты, дорогуша, мотаешь мне нитки... У меня ведь не катушка! Что значит "мельком"? Для тебя ничего не может быть "мельком", все имеет значение, все моментом усекай и поворачивайся!

- Что об этом говорить, - нахмурился Саша. - В Калинин я не поеду, никто мне там выписку не аннулирует. Надо придумать что-то здесь.

- А почему сам не думал? Хоть и попадал ты в серьезные переплеты, да, видно, везло тебе, вывинчивался. А может и не повезти, крупно не повезти, так что смотри в оба.

(продолжение предполагается)

Василий ГРОССМАН

Всё течёт

Глава 3. 1952-53 гг.

В газетах стали печататься фельетоны, разоблачавшие карьеристов, жуликов, мошеннически получивших дипломы и ученые степени; врачей, преступно жестоко обращавшихся с больными детьми и роженицами; инженеров, строивших вместо больниц и школ дачи для своей родни. Почти все разоблаченные в фельетонах были евреями, и газеты с особой старательностью приводили их имена и отчества: "Сруль Нахманович... Хаим Абрамович... Израиль Менделевич..." Если в рецензии критиковалась книга, написанная евреем, носящим русский литературный псевдоним, то рядом в скобках печаталась еврейская фамилия автора. Казалось, что в СССР одни лишь евреи воруют, берут взятки, преступно равнодушны к страданиям больных, пишут порочные и халтурные книги.

Николай Андреевич видел, что фельетоны эти нравятся не только дворникам и пьяным пассажирам пригородных электричек. Его эти фельетоны возмущали, но в то же время он раздражался против своих друзей-евреев, относившихся к этим писулькам так, словно пришел конец света. Они жаловались, что талантливую еврейскую молодежь не принимают в аспирантуру, что евреев не принимают на физический факультет университета, не берут на работу в министерства, в тяжелую и в легкую промышленность, что кончивших вуз евреев засылают на особо далекую периферию. Говорили, что под сокращения попадали почти всегда одни лишь евреи.

Конечно, все это действительно было, но евреям мерещился какой-то грандиозный государственный план, обрекавший их на голод, вырождение, гибель. А Николай Андреевич считал, что суть дела просто в неприязненном отношении к евреям части партийных и советских работников и что отделы кадров и вузовские приемочные комиссии никаких инструкций по поводу евреев не получают. Сталин, как он считал, не был антисемитом и, вероятно, не знал об этих делах. Да и не одни только евреи пострадали: досталось и старцу Чурковскому, и Пыжову, и Родионову.

Мандельштама, возглавлявшего научную часть института, сделали сотрудником в том же отделе, где работал Николай Андреевич. Он все

же мог продолжать работу, а докторская степень давала ему возможность получать большое жалованье. Но после того, как в "Правде" появилась редакционная — без подписи — статья о театральных критиках-космополитах - Гурвиче, Юзовском и других, издевавшихся над русским театром, — началась широкая кампания по разоблачению космополитов во всех областях искусства и науки, и Мандельштама объявили антипатриотом. Кандидат наук Братова написала в стенной газете статью: "Иван, не помнящий родства"; она начиналась словами: "Из дальних странствий возвратясь, Марк Самуилович Мандельштам предал забвению принципы русской советской науки..."

Николай Андреевич поехал к Мандельштаму домой; тот был тронут этим, печален, и его надменная жена уже не казалась такой надменной. Они пили водку, Мандельштам ругал матерными словами Братову — свою ученицу, запустив руки в волосы, горевал, почему его учеников, талантливых мальчиков-евреев, гонят из науки.

- Что ж им, в палатках галантереей торговать? - спрашивал он.

- Да не нужно волноваться, будет работа у всех — и у вас, и у Хавкина, и даже у лаборантки Анечки Зильберман, - шутливо сказал Николай

Андреевич, - образуется, у всех будет хлеб, да еще с икоркой.

- Боже мой, - сказал Мандельштам, - разве речь об икорке, речь о человеческом достоинстве.

Но насчет Хавкина Николай Андреевич ошибся, с Хавкиным дело повернулось в плохую сторону. Вскоре после того, как в газетах появилось сообщение о врачах-убийцах, Хавкина арестовали.

Сообщение о том, что ученые-медики, артист Михоэлс совершили чудовищные преступления, потрясло всех. Казалось, черный туман стоит над Москвой и заползает в дома, в школы, заползает в человеческие сердца.

В заметке "Хроника" на четвертой газетной полосе было сказано, что все обвиняемые врачи признали на следствии свою вину, - значит, нет сомнения - они преступники. И всё же это казалось немыслимым. Трудно было дышать, заниматься своим делом, зная о том, что профессора, академики стали убийцами Жданова и Щербакова, отравителями.

Николай Андреевич вспоминал милого Вовси — замечательного актера Михоэлса, — и казалось невероятным, немыслимым преступление, в котором их обвиняли.

Но ведь они признались! Если они не виновны, а признали себя виновными, то надо предполагать другое преступление, еще более

ужасное, чем то, в котором их обвиняли, - преступление против них.

Даже думать об этом было страшно. Надо было обладать отвагой, чтобы усомниться в их вине: ведь тогда преступники — руководители социалистического государства, — тогда преступник Сталин!..

Знакомые врачи рассказывали, что работать в больницах и поликлиниках стало мучительно тяжело. Больные под влиянием ужасных официальных сообщений сделались подозрительными, многие отказывались лечиться у врачей-евреев. Лечащие врачи рассказывали, что от населения поступает масса жалоб и доносов на умышленно недобросовестное лечение. В аптеках покупатели подозревали фармацевтов в попытках подсунуть им ядовитые лекарства; в трамваях, на базарах, в учреждениях рассказывали, что в Москве закрыто несколько аптек, в которых аптекари-евреи — "агенты Америки" — продавали пилюли с высушенными вшами; рассказывали, что в родильных домах заражают новорожденных и рожениц сифилисом, а в зубоврачебных амбулаториях прививают больным рак челюсти и языка. Рассказывали о спичечных коробках со смертельно ядовитыми спичками. Некоторые люди вспоминали обстоятельства смерти давно умерших родственников, писали заявления в органы безопасности с требованием

расследований и привлечения к ответственности евреев-врачей. Особенно печально было то, что всем этим слухам верили не только дворники, полуграмотные и полупьяные грузчики и шоферы, но и некоторые доктора наук, писатели, инженеры, студенты.

Эта всеобщая подозрительность казалась Николаю Андреевичу невыносимой. Лаборантка — большеносая Анна Наумовна — приходила на работу бледная, с сумасшедшими, расширенными глазами; однажды она рассказала, что её квартирная соседка, работавшая в аптеке, по рассеянности отпустила больному не то лекарство, и когда ее вызвали для объяснений, то она, охваченная ужасом, покончила самоубийством, оставив двух сирот — дочь, студентку музыкального техникума, и сына-школьника. Анна Наумовна теперь ходила на работу пешком — в трамваях пьяные затевали с ней разговоры о евреях-врачах, убивших Жданова и Щербакова.

Николай Андреевич испытывал гадливое чувство к новому директору института Рыськову. Рыськов говорил, что пора очистить русскую науку от нерусских имен, и однажды сказал: "Пришел конец жидовской синагоге. Если бы вы только знали, как я их ненавижу".

И в то же время Николай Андреевич не мог преодолеть невольной радости, когда Рыськов

сказал ему: "Ценят вашу работу товарищи в ЦК, работу большого русского ученого".

Мандельштам уже не работал в институте, а устроился методистом в учебном комбинате. Николай Андреевич приглашал его к себе, заставлял жену звонить Мандельштаму по телефону; Мандельштам стал нервен, подозрителен, и Николай Андреевич был рад, что Марк Самуилович оттягивал их встречи: они становились всё тягостней. В такое время приятней встречаться с жизнерадостными людьми.

Когда Николай Андреевич узнал об аресте Хавкина, он, оглянувшись на телефон, шепотом сказал жене:

- Я убежден в невиновности Исаака, знаю его тридцать лет.

Она вдруг обняла его, погладила по голове.

- Горжусь я тобой, - сказала она, - сколько души ты тратишь на Хавкина и Мандельштама, и только я знаю, сколько обиды они тебе причинили.

А время было трудное. Николаю Андреевичу пришлось выступить на митинге о врачах-убийцах, говорить о бдительности, о ротозействе и благодушии. После митинга Николай Андреевич разговорился с

сотрудником сектора физической химии профессором Марголиным, тоже выступившим с большой речью. Марголин требовал смертной казни для преступников-врачей и огласил текст приветствия Лидии Тимашук, разоблачившей врачей-убийц и награжденной орденом Ленина. Этот Марголин был силен в марксистской философии, он руководил занятиями по изучению четвертой главы "Краткого курса".

- Да, Самсон Абрамович, - сказал Николай Андреевич, - трудное времечко. И мне нелегко, но каково вам выступать на эти темы?

Марголин поднял тонкие брови и, вытянув тонкую, бледную нижнюю губу, спросил:

- Простите, я не совсем понимаю, что именно вы имеете в виду?

- Да так, вообще, - сказал Николай Андреевич. - Ну, знаете, Вовси, Этингер, Коган — кто бы мог предположить? Я лежал у Вовси в клинике, персонал его любил, а больные верили, как Магомету.

Марголин поднял худое плечо, пошевелил бескровной бледной ноздрей, сказал:

- А, понял, вы считаете, что мне, еврею, неприятно клеймить этих извергов? Наоборот, именно мне особенно омерзителен еврейский

национализм. А если евреи, тяготея к Америке, становятся препятствием в движении к коммунизму, то мне не только себя — родной дочери не жалко.

Николай Андреевич понял, что зря заговорил о любви ротозеев-больных к Вовси: уж если человек родной дочери не жалеет, то с ним следует говорить чеканными формулировками.

И Николай Андреевич сказал:

- Еще бы: обреченность врага - в нашем морально-политическом единстве.

Да, это было тяжелое время, и лишь одно утешало Николая Андреевича - работа его шла хорошо. А в это время ходили слухи, что в Восточной Сибири спешно строится огромный барачный город. Говорили, что эти бараки строятся для евреев. Их вышлют так же, как уже выселили калмыков, крымских татар, болгар, греков, немцев Поволжья, балкарцев и чеченцев.

Под страшным секретом Николаю Андреевичу однажды рассказали, что врачей казнят всенародно на Красной площади, после чего по стране, видимо, прокатится волна еврейских погромов и что к этому времени приурочивается высылка евреев в тайгу и в Каракумы на строительство Туркменского канала. Эта высылка будет предпринята в

защиту евреев от справедливого, но беспощадного народного гнева. В этой высылке скажется вечно живой дух интернационализма, который, понимая гнев народа, все же не может допустить массовых самосудов и расправ.

Как всё, что совершалось в стране, так и это "стихийное возмущение против кровавых преступлений евреев" было заранее задумано, запланировано. Вот так же задумывались Сталиным выборы в Верховный Совет: заранее собирались объективки, назначались депутаты, а затем уж планоно шло стихийное выдвижение кандидатов, агитация за них, и наконец наступали всенародные выборы. Вот так же назначались бурные митинги протеста, взрывы народного гнева и проявления братской дружбы, вот так же за много недель до праздничных парадов утверждались репортажи с Красной площади: "В эту минуту я гляжу на мчащиеся танки..." Вот так же заранее назначалась личная инициатива Изотова, Стаханова, Дуси Виноградовой, массовые вступления в колхозы, назначались и отменялись легендарные герои гражданской войны, назначались требования рабочих выпускать займы, требования работать без выходных, вот так же назначалась всенародная любовь к вождю, заранее назначались тайные агенты заграницы, диверсанты, шпионы, а затем уж в процессе сложных перекрестных допросов подписывались протоколы, в которых еще

недавно не подозревавшие о своей принадлежности к "контрреволюционному охвосту" бухгалтеры, инженеры, юрисконсульты признавались в многогранной террористической шпионской деятельности. Вот так же назначались "великие писатели, любимые народом", вот так же назначались тексты писем, которые матери деревянными голосами зачитывали перед микрофоном, обращаясь к своим сыновьям-солдатам; вот так же заранее планировался патриотический порыв Ферапонта Головатого; вот так же назначались участники свободных дискуссий (если почему-либо нужны были свободные дискуссии), и заранее составлялись и согласовывались речи участников этих свободных дискуссий.

И вдруг пятого марта умер Сталин. Эта смерть вторглась в гигантскую систему механизированного энтузиазма назначенных по указанию райкома народного гнева и народной любви.

Сталин умер! Одних объяло чувство горя - в некоторых школах педагоги заставляли школьников становиться на колени, и сами, стоя на коленях, обливаясь слезами, зачитывали правительственное сообщение о кончине вождя. На траурных собраниях в учреждениях и на заводах многих охватывало истерическое состояние, слышались безумные женские выкрики, рыдания, некоторые падали в

обморок. Умер великий бог, идол двадцатого века, и женщины рыдали.

Других объяло чувство счастья. Деревня, изнашиваемая под чугунной тяжестью сталинской руки, вздохнула с облегчением.

Ликование охватило многомиллионное население лагерей.

...Колонны заключенных в глубоком мраке шли на работу. Рев океана заглушал лай служебных собак. И вдруг словно свет полярного сияния замерцал по рядам: Сталин умер! Десятки тысяч законвоированных шепотом передавали друг другу: "Подох... подох...", и этот шепот тысяч и тысяч загудел, как ветер.

*** * ***

Пятого апреля 1953 года, за месяц до смерти тирана страны, Николай Андреевич утром разбудил жену, отчаянно крикнув:

- Маша! Врачи не виноваты! Маша, их пытали!

Государство признало свою страшную вину - признало, что к заключенным-врачам применялись недозволенные методы — пытки на допросах.

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

И ДЕСЯТЕРИЧНОЕ

Всю ночь Бенедикт ловил мышей.

Легко сказать: ловил. Дело это не простое, и, как и всякое дело, разумения требует. Оно только кажется, что вот, мол, - ты, и вот - мышь, так

хватай ее. Не-е-е-е-ет.

Ловил он, конечно, удавочкой. Но! - ежели в подполе пусто, ежели мышь перебежала к кому побогаче, то тряси удавочкой, не тряси, - ничего не натрясешь. Мышь прикармливать нужно. Стало быть, все должно быть продумано загодя.

Вот двадцатого числа получка была. Пятьдесят бляшек. Так. Налог с их - тринадцать процентов. Значит, шесть с половиной бляшек налога. Вот с утра спозаранку голубчики в очередь в Выплатную Избу встали. Еще и заря не всходила, темень зимой-то - хоть глаз выколи.

А бывает. Идет голубчик наощупь, в темноте-то, за получкой, - ан и в яму свалится, а не то сучком глаз выколет, а то поскользнется и ногу переломит, а то и заблудится, забредет в чужую слободу, а там его собаки злые порвут; упадет, да и замерзнет насмерть в сугробе-то. Все может быть.

Но вот допустим, слава те, Господи, добрались. Хорошо. Встали в очередь. Кто первый добрел, - тот в калидоре, али сказать, в сенях расположился. А уж кто в конце, - на улице

стоит, на морозе перетаптывается. Вот так стоят, переругиваются али разговоры беседуют, гадают, приедет ли выплатной мурза, али опять упился накануне-то, ввечеру-то, браги, али квасу, али сусла конопляного. А то шутки шутят: ежели кого из тех, что в снях, от тепла разморило, дак он на полу и прикорнул, - возьмут такого сонного осторожненько под микитки да и отнесут в самый конец очереди. Как проснется такой голубчик - ни хрена не понимает, что, куда, да зачем он тут. Рвется где раньше стоял, али лежал, а все ему: куды без очереди прешь? Стой в конце! А он: да я ж первый был! А мы: ничего не знаем! Ну, крики-драки, увечья всякие.

Так времечко и идет, заря розовая, мглистая на небо всходит, темноту раздвигает. Утренняя звезда Чигирь блестит красотой несказанной, как огнец в вышине. Мороз еще крепче кажется. Искры на снегу искрятся.

Вот ждем мурзу, еще приедет ли? Чуть где в улочках снег пылит, сани мелькнули, - кричат: едет! Не едет! Точно он, его шапку видать! и разное такое. Волнение большое.

Коли до вечера не приедет, - так и разойдемся, а коли изволил глаза продрать, - ну, быть голубчику с получкой.

Вот стоишь-стоишь, - глядь, и достоялся до выплатного окошечка. Твое счастье, нагибайся. А почему нагибайся: потому как оно в аккурат на уровне пупа проверчено, узенькое такое. А это оттого, что мурза по ту сторону на тубарете

сидит, оно ему и удобно. А еще затем придумано, чтоб нам в пояс ему кланяться, смирение выказывать, чтоб покорность в организме была. Ведь ежели во весь рост стоишь, бляшки пересчитываешь, дак мало ли что в голову вступит. Дескать, а что так мало-то, или: а чего они рваные, или: да все ли он мне выдал, не зажал ли пригоршню, ирод проклятый; и другое своеволие. А когда в пояс согнешься, да голову набок вывернешь, чтоб видать сподручнее, что дают, да руку-то в окошечко далеко-о-о-о-о просунешь, - а оно ж глубокое, - да пальцы-то растопыришь, чтоб бляшки ухватить, аж плечо заломит, - вот тогда и чувствуешь, что такое есть государственная служба, ея же и сила, и слава, и власть земная, во веки веков, аминь.

Вот, если опять повезло, бляшки и ухватишь. Кто короткорукий, конечно, али хвор в суставе, тот всех денег нипочем не ухватит, а разве часть. Про таких и говорится народная мудрость: руки, мол, короткие. Да и голубчики сзади напирают, торопят, толкают, на спину тебе ложатся, в ухо дышат. Трудности. Ну, Бенедикту силушки не занимать, молодой, - он и отобьется, и бляшки крепко в кулак зажмет, и руку назад из окошка благополучно выпростает, разве костяшки обдерет чуток, ну да это пустяки, дело житейское.

Компресс теплый на ночь поставить, руку обмотать, кровь-то, может, и свернется. А к

следующей получке, глядишь, кожа новая и нарастет.

Бляшки у государства вырвал, - теперь в другую очередь вставай, налог платить. Это так говорится: вставай, а по собственной воле кто ж встанет? Тут уж, конечно, стража с бердышами, гонит голубчиков по калидору в другую палату, на первый-второй рассчитайся, цепи каменные со всех сторон путь загораживают: все как положено.

А так все то же, только мурза в окошке сидит не выплатной, а налоговый, да и окошко широкое, просторное, - сани проехать могут.

Тут дело быстрее идет, - почитай, за четыре часа обернуться можно. Шесть с половиной бляшек мурзе отсчитай и отдай. Но бляшку пополам не порвешь, верно? Кому она, рваная, нужна, верно? Стало быть, отдай семь. К концу дня у мурзы этих денег лишних - великие тыщи. Вот он их себе возьмет, кушанья какого купит, али ярус к терему пристроит, али балкон, а то шубу спроворит, а не то сани новые.

На то он и мурза.

А в которых людях государственного разумения нету, а одни пустые измышления, вот как Никита Иваныч, к примеру, - дак те говорят: а почему, дескать, нельзя, чтоб один и тот же мурза сам деньги платил, сам и налог удерживал? Что, мол, быстрее было бы.

Эвона, дурачье! Право, обхохочесси слушать! Почему? - да потому что выплатной мурза - он мурза выплатной, а налоги берет - это ж мурза

налоговый! Ну? Как же это один мурза тебе и давать будет и отбирать? Ну? Зачем же он тогда вообще на работу приедет, с эдакими деньжищами? Запрется дома, да и давай есть-пить, а то в сани сядет - и на охоту завалится, и поминай как звали, верно?

А и всякий бы так сделал.

Да ежели б налоговый мурза в избе не сидел, денег не отбирал, разве ж выплатной-то когда нос-то на улицу б высунул? Да он, пьянь такая, и не вспомнил бы, что уж двадцатое число, получка; али, к примеру, пятое, аванс!

Его ж, небось, налоговый с вечера терзает: где бляшки? Не разорил ли казну? Нет ли какого урона моему интересу? Накрепко ли в туеса увязаны, мышь не погрызла ли? - а и это бывает, тогда и получку не дадут. Скажут: пропало незнамо куда, ждите другого раза. - Ждем.

Но вот, допустим, все обошлось, получка получена, бляшки в кулаке. На эти бляшки, али, как другие говорят, "рваные", али "кровные", али ещё "рубляшки", - ничегошеньки, конечно, не купишь. Кабы их много было - тогда да. Тогда купишь. А так нет. Пообедать разве.

Мышь, - она другое дело, ее - вон, всюду полно, каждый день она свежая, наловил, ежели время есть, - и меняй ты себе на здоровье, да ради Господа, - кто тебе слово скажет? Конечно, и с мыши в казну налог идет, али сказать, ясак, - домовой, подушный, печной, всех не пересчитать, но это ж совсем другое дело.

Стало быть, бляшки у Бенедикта в кулаке, полдела сделано. Теперь разумение такое: на эти бляшки покупать в Столовой Избе обед, а только хлеб нипочем не есть, приберегать, домой носить, и тем хлебом мышей прикармливать. Каждый день им по куску крошить, - набежит их, сердешных, видимо-невидимо.

И на этот раз так все счастливо и вышло, как и задумывалось! Все сошлось! Всю-то ноченьку Бенедикт мышей ловил, и к утру у него на веревочке, вот не соврать, двести семьдесят две штучки барахталось, толстоморденькие, серенькие, шкурка шелковая! Ну, может, не двести семьдесят две, а сто пятьдесят шесть. Много! Сбился, считаючи. А почему удача такая, - а потому что все продумано было загодя, все было промыслено грамотненько, тщательно.

Ахти мне! - красота ума человеческого, кто б ее воспел? Кто бы взялся песню сложить, громкую, счастливую, да с руладами, да переливами, да чтоб выйти на бугор, али на холм какой, покрепше встать, расставя ноги, а руками-то размахнувши в стороны, да и топнуть! ножкой-то! - только чтоб не упасть, конечно, - топнуть, говорю, да и - эх! - да разлюли мои-лели, эх! - дак вы ж мои люли!!! Зеленеет травка-муравка, да эх! - да травка-муравка!!! Ах! - зеленая травка; эх! - зеленая травка!!!

Не так, пожалуй, но что-нибудь такое, разудалое, радостное, чтобы напев сам из груди рвался, чтоб счастье в голове

чувствовалось, чтоб оно, счастье, между ушей
бултыхалось, как щи в котелке, чтоб в затылке
щекотало. Чтоб на всю слободу, на весь мир
разнеслося: слава уму-разуму человеческому,
слава! Разумению, размышлению,
промышлению, хитроумному расчислению -
слава! Голове - слава! Да! Ура!!!

Ведь такой прорвы мышей, небось, у самого
Федора Кузьмича, слава ему, отродясь не
бывало, а уж он ли не мастак на них охотиться?
Он ли не поэт, не гурман, не ценитель?

После полуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь!

И вроде всю ноченьку не спал, а от радости сон
как рукой сняло. Разве что поджилки эдак
немного ослабли, и томность в спине. А так - ни
в одном глазу! Теперь с эдаким богатством - на
торжище.

Хорошо с утра на торжище! Лепота! Снег
расчищен лопатами, притоптан, ажно пол. Если
большой мороз, дак он, снег-то, весь синий,
посверкивает. Понятно, голубчики набегут -
заплюют, загадят, окурков набросают, а все
равно лепота. Ежели к теплу, ежели подтает
маленько, - словно как темные полыньи под
ногами, а сугробы у забора осемши и
почернемши, ноздреватые, с зубчатыми
корками, весной пахнут.

Народищу - и-и-и-и-и-и-и-и!!! - тучи несметные. Всякому торговать охота. Всякий свою мену тащит.

Вон ряды с моченьями да соленьями: весь прилавок уставлен бочками, крынками, жбанами, ходи да пробуй, но много не хватай, не то по шеям наладут. Ежели летось урожай хороший был, дак прилавок иной раз до горизонта растянется, последний дальний голубчик в ряду вроде как лесная букашка видится: далекий, махонький, руками машет, кричит, грибыши свои нахваливает, тоже себя человеком мнит, а посмотреть на него с этого конца, - наступи ногой, да и нет его.

Другой, вон, хвощи моченые хвалит, криком кричит, надрывается Али квашеный папорот, али пряники, али еще что.

Тута орешки моченые, там холсты разложены, нитки простые, нитки крашеные, лапти связками; там шкурки заячьи али шерсть с козляков: купи да и валенки валяй, али носки вяжи, ежели сподручный; там иголки костяные, ножики каменные, ведра каменные да деревянные, ухваты, оглобли, веники, - чего хочешь.

А вон целый ряд огнецами торгует: тут торговцы важные, молчаливые, стоят, на животе руки сложивши, с-под бровей поглядывают, морды красные. Загадочные. Молчат. А почему они молчат: привыкли. Огнецов надо молча брать, они и привыкли. Постоишь, посмотришь.

**Робеешь. А так этих огнецов покушать охота!
Спросишь торговца:**

- Почем за штуку?

Помолчит, губами пожует. Потом:

- Эти - пять. Эти - семь.

Дорого, бля!..

- А не ложные?..

Опять помолчит.

- Люди брали, живы.

Вот верить ему али не верить, - прям и не знаешь. Потопчешься... Отсчитаешь пяток мышей. Возьмешь одного огнеца. За щеку положишь. Сладкий!.. А может, и не помрешь, с одного-то. Так, вырвет разве что. Ну, волос выпадет. Шею раздует. А так, может, еще и поживешь. Матушка отчего померла? - цельную миску зараз скушать изволила. Никита Иваныч все ей говаривал: "Полина Михайловна, что за несдержанность?! Не ешьте вы эти финики! Радиоактивные!" - да разве она послушает? Объялась.

Но сейчас Бенедикту про грустное даже начинать думать не хотелось. Весна с юга коlobком катит, Новый Год ведет! Праздник и

смех. Шутки и веселье. Вон и слепцы тоже, сгрудились у тына, - кто на ложках мелодию брякает, кто в свиристелку дудит, - поют:

**И хорошее настроение
Не покинет больше вас!**

- тоже, значит, весну почуяли. Ихний поводырь тоже взбодрился, орлом глядит, голубчиков строго озирает: а ну, кто песни слушает? - плати, мимо не пройдешь! А то любителей послушать да не заплатить предостаточно. Слепцы, они потому и слепцы, что ничегошеньки не видят. Поют себе, разливаются, а голубчик другой раз послушает, удовольствие свое урвет, да и бежать не заплатимши. Как его слепцам поймать? - никак! Им же темно, слепцам! Им и в летний полдень темно. Кабы не поводырь, они бы померли с голоду, слепцы-то.

Бенедикт народные песни страсть любил. Особливо когда хором. Или когда задорные. Вот другой раз слепцы грянут:

**Сердце красавицы!
Склонно к измене!
И к перемене!
Как ветер мая!!!**

- так ноги на месте не устоят, сами в пляс пустятся. А и еще есть хорошие. "Вот идут Иван да Данила". "Миллион алых розг". "Из-за

острова на стрежень". "А я люблю женатого". И много еще.

Нынче Бенедикт чувствовал себя умным и богатым. Потому и богатым, что умным. Эвон как он все придумал ладно, - и все сошлось. Мышей он увязал в увязочки - о пяти штучках каждая; хвосты косичкой переплел, веревочку продел и той веревочкой препоясался. Сам идет, сам гордится. Здорово. И непривычно как-то.

Обычно идешь себе, семенишь, по сторонам сторожко поглядываешь: нет ли начальства какого? Ежели в санях едут, - отскочишь на обочину, шапку долой, кланяешься. На рыло улыбочку умильную напустишь, масляную. Глазыньки тоже сощуришь, будто обрадовался. Выражение в глазыньках выразишь: словно бы удивляешься, как это тебе, простому голубчику, так повезло-то, мурзу встретить. Хоть и по сорок раз на дню, да хоть по пятьдесят на него, ирода, наткнешься, а все дивись, словно он, мурза, - не мурза, а бабушка с гостинцами.

Кланяешься, конечно, смотря по чину. Если малый мурза - голову приклонить, руку к желудку. Если большой - в пояс: волосами в снег, али в пыль, а рукой дугу отмахнуть. Ежели красные сани - ...не приведи Господь. Нет, нет, нет. Тьфу, тьфу, тьфу. Нет, нет.

Проедет мурза, напылит, напачкает, - можно опять шапку надевать, рукавом морду обтереть, и - на здоровьичко, свободен. Рыло можно

опять прежнее, простое, злобное, - плюнешь, обматеришь, вслед оскорбление какое, - пожалуйста. А не то просто ворчишь: "Ишь, расселся...", хотя чего ж? не стоять же ему в санях-то? - или длиннее: "Ездют тут!.. ездют и ездют, а чего ездют, и сами не знают!", а это тоже просто так, к слову: уж мурза-то наверно знает, куда ему ехать.

А так говорится для того, чтоб свою досаду подольше потешить. Когда ворчишь сквозь зубы, да бормочешь, да набычишься, да еще пасть на сторону свернешь, - злость, она хорошо так, тепло внутри пощипывает. Чего-нибудь крепкое сделать хочется. Ногой забор пнешь. Собачонку, если подвернулась. Ребятенку затрещину. Мало ли. Всяко себя выразить можно.

А иногда бывает, и злиться неохота. Вроде как грусть внутри. Будто жалеешь кого. Фелософия, должно быть.

А сегодня с утра новое чувство вступило: чувствовал себя Бенедикт умным и богатым, и охота было, чтоб все видели: вот он идет, Бенедикт, умный и богатый. И щедрый. Остановился, слепцов послушал. Они как раз старинное, бойкое грянули: "Два двенадцать восемьдесят пять ноль бэ! Два двенадцать восемьдесят пять ноль вэ! Два двенадцать восемьдесят пять ноль гэ!" - послушал и кинул им мышей связку. Ага, целую связку! Гуляем!

После нищим побирушкам связку - швырь! Чуть не передрались, вмиг подачку в клочья разнесли. Потеха! Потом по рядам пошел, вкуснятину покупать. О, сразу уважение... Заметили...

Кланяются:

- К нам пожалуйста!.. Чего душа просит?.. Рассольчику, барин, отведайте, рассольчик у нас самый лучший!..

Отведал рассольчику. Взял. Всего взял, чего душа просила - и простого, и моченого, и фаршированного. Хлебеды взял четверть пуда, козьего творожку, огнецов с полдюжины, - ватрушку испечь. Вермишели квашеной. Репы. Гороху красного и синего. Квасу кувшин. Туесов накупил, всю провизию в них поклат. И еще холопа нанял всю эту тяжесть до дома доволочь, а по правде сказать, не столько оно тяжело было, сколько знатность свою охота было вволюшку выказать. Дескать, вознесся выше я главою непокорной александрийского столпа, ручек не замараю тяжести таскамши. Обслугу держу. Не вам чета.

И сейчас же неувязочка вышла: которые Бенедикта не знали, думали, что такой богач непременно в сани сядет, а какие ж у Бенедикта сани? Так что некоторые, гниды, в кулачок хихикали. А которые его знали, те порешили, что это не холоп, а приятель Бенедиктов, и дивились, что ж это приятель-то эдакие короба

тащит, аж раскорячился, а Бенедикт руки в карманы засунул и идет себе, насвистывает, а не подмогнет? Хотел всласть почваниться, а нет, не удалось.

А по дороге Бенедикт волновался, чтоб вперед холопа не забежать. А то только отвернись, а он, может, шасть в проулок, - с таким добром-то, вы что!!! Ищи его потом. Потому шел Бенедикт за холопом шаг в шаг, только покрикивал: "Не сюда, тудыть!.. Заворачивай! Заворачивай, говорю, песий сын! Налево! Все вижу, все вижу! Я тут! Слежу!" - и все такое.

Тревога большая была. Но дошли хорошо. Может, холоп, хоть он и холоп, тоже соображал, что далеко с такой тяжестью не убежишь: Бенедикт догонит и побьет. Бенедикт, когда его нанимал на торжище-то, в холопском закуте-то, и кулачищи свои ему показывал, и личиком суровился, и глазами выражал: гнев грядущий, подозрение всеохватное, неудовольствие на весь род людской. Пужал.

Но и думать не забывал, пока шли-то: ай, ведь до чего удача хорошая, когда ум к делу приложен: за одну ночь заработал себе цельный стол еды. А?! Теперь дальше так: ватрушек напечь, гостей назвать; хорошо бы Оленьку, ну а ежели не выйдет, можно и Варвару Лукинишну, можно и другого кого со службы. Варфоломеича можно, он байки мастер рассказывать. Ксению-сироту. С ней, правда, скучно, и вида никакого. Соседей, что ли, пригласить. Да позвать голубчиков дюжину, избу подмести, свечей

натыкать... Нет, нанять бабу пол мести... Чего самому-то горбатиться? Да, и ватрушки пусть тоже баба печет. А платить опять мышами. Да, и слепцов нанять!!! Во, точно! Всю артель и нанять. Сурприз гостям!.. Попили-поели-поплясали, потом, может, в поскакалочки играть... Али в удушилочку. Но не до смерти, а так, наполовинку. Так, а объедки под пол, а мышей опять набежит видимо-невидимо, - а опять наловить, - а наловивши, опять еды купить, - а еду опять туда же! под пол! - а с-под пола мышей! - а опять сменять! и еще! И еще!..

Батюшки!.. Это что же будет? А будет, что таким макарон Бенедикт до того разбогатеет, что, глядишь, и работать не надо! Да! А начнет мышей в рост давать! Слуг наймет: одних дом сторожить, да и дом-то надо светлый, высокий, двухъярусный, с прибабасами по кровле-то!.. А других слуг, чтоб сторожей сторожили, следили, чтоб те не взяли чего! А третьих, чтоб за этими смотрели!.. А четвертых... Но это ладно, это потом сообразим... А баб нанять, чтоб готовили... А еще слепцов, чтоб постоянно дудели да бренчали, Бенедикта увеселяли; помост им в углу построить, да чтоб там и сидели, пели чтоб день-деньской... И баню хорошую построить... И в баню тоже музыку провести... других слепцов... Сам моешься, сам слушаешь... И девку-чесалку нанять, чтоб спину чесала... А другую, чтоб волосы расчесывала и песни мурлыкала... Ну, чего бы еще? Да! Сани!..

И подъезд к дому широкий, и ворота на замке...
Эй, холопы, отворяй, барин едет!.. Вот все
падают ниц. Бенедиктовы сани во двор
въезжают и прямо к терему... А из терема
навстречу Оленька, белая лебедушка:
здравствуй, свет мой, Беня, а попрошу к столу,
уж так заждалася... все-то глазыньки
проглядела...

...Дошли. Фу-х... Вот видение-то какое вышло...
избенка-то наша, прямо сказать, не терем. Холоп
туеса поставил в снег. Усмехается. Бенедикт
отстегнул плату: мышей связку. Посмотрел: у
холопа на рыле неуважение, точно, играет. И
сразу разговор пошел такой неприятный...

Холоп говорит:

- У кого служишь?

Бенедикт ощерился:

- Служу?! Я-те дам: служу! Я государев
работник. А не "служу"!

А холоп:

- А провиант кому?

А Бенедикт:

- Мне провиант! Свое хозяйство! Щас есть
буду!

А холоп:

- Ща. Свое.

Плату взял, высморкался на снег, прямо под валенки Бенедикту, да и пошел себе.

От ведь холопское отродье!!! Холоп он и есть холоп!!! А догнать его, да плату отнять, да в рыло ему въехать как следует, да ногами-то потоптать за обиду, за своеволие!.. Скотина!!! Бенедикт дернулся было, да побоялся оставить туеса без присмотра: уже голубчики стали стекаться, на еду смотреть. Тьфу! Плюнул, вволок туеса в избушку.

Гадина холопская, сучий потрох! Намекнул, гнида, что и Бенедикт, мол, - не Бенедикт, а холоп чей да нибудь, как и он сам, что и еду-то он, мол, не себе купил, а хозяину, что и изба-то не изба, а сараюшка, — клеть, может, какая перевалочная... И мечты-то его все пустые: сани захотел... Нет, нельзя оставить! Догнать побыстрому, да поджопник ему!!! Бенедикт бросился на улицу, туда-сюда... Нет, пропал холоп, как и не было... А может, примерещилось?

Вернулся в стылый, холодный сумрак избы. Как время-то пробежало. Пока туда-сюда, - уж солнце садится. Пощупал печь: холодная. Не должно бы, а? Открыл заслонку - ясно... Воры

были. Сперли угольки с огоньками. Одна холодная зола. Ну что ж...

Вдруг скучно стало. Расхотелось как-то всего. Сел на тубарет. Встал. Распахнул дверь, постоял, прислонясь к притолоке. В груди что-то кислое такое вошло, как слабость. Да! Вечер уже. Середь дня - вечер; это и есть зима. Бледное закатное небо, на небе ветки деревьев словно углем прочерчены. Гнезда колтунами. Заяц порхнул. Понизу - грустная синева снежных увалов, пригорков, сугробов. Чахлый черный тын, как старый гребень. Еще виден, а погасни закат - и ничего не увидишь в крошечной тьме. Сразу выступят звезды, нальется небосвод их молочным, слабым свечением, - как будто издевается кто, али равнодушен, али не нам эти небесные огни предназначены: что разглядишь при их тусклом, неживом мерцании! А наверно так, а не для нас они!..

...А и все так! Будто кто для нас, для людей, изо всей безмерной природы малый кусок выкроил: вот вам, голубчики, солнца чуток, да лета кусок, цветок тюльпан, травки зеленой малость, малых птишек на сдачу, да и будя. А всех остальных тварей припрячу, ночью оболочку, тьмою укрою, в лес да под пол, как в рукава, заховаю, малый свет им зажгу, звездный, - им и хватит, им и хорошо. Пуцай шуршат, юркают, пищат, размножаются, своей жизнью живут. А вы их, ну-тко, ловите-ка, если сумеете. Поймали? - кушайте на здоровье. А не поймали - как знаете.

Бенедикт вздохнул тяжело, да сам свой вздох и услышал. Вот, опять... Опять в голове раздвоение какое-то. То все было просто, ясно, счастливо, мечты всякие хорошие, а то вдруг будто кто сзади подошел да все это счастье из головы и выковырнул... Как когтем вынул...

Кысь это, вот что! Кысь в спину смотрит!!!

Бенедикта даже затошнило от страха, от нехорошего, под ложечкой сосущего чувства. Он захлопнул дверь, не досмотрев заката, не додышав сырого, синего вечернего воздуха; поспешно заложил на крюк, на засовы; споткнулся в тухлой избяной тьме о порог; и матюкнуться забыл; ощупью добрался до лежанки и лег поскорей, не чуя ног.

Сердце билось. Кысь это... Она. Вот, значит, что. А не фелософия никакая. Правильно говорят: кысь в спину смотрит!

Это она там, на ветвях, в северных лесах, в непролазной чащобе, - плачет, поворачивается, принюхивается, перебирает лапами, прижимает уши, выбирает... выбрала!.. Мягко, как страшный, невидимый Котя, соскочила с ветвей, пошла, пошла, пошла, - ползком под буреломом, под завалами сучьев, колючек, длинным скачком через седой, мохом обросший, метелями поваленный сухостой!.. Ползком и скачком, гибко и длинно; поворачивается плоская головка, поводит из стороны в сторону:

не упустить, не потерять бы следа: далеко в худой избе, на лежанке, налитый теплой кровью, как квасом, лежит и дрожит, в потолок уставился Бенедикт.

Ближе, все ближе к жилью!.. Где поземка стелется, пылит по оврагам, где метель столбом, где снежный смерч с полей поднялся, там и она: летит в поземке, вьется в метели! Ни следа не оставит лапами на снегу, не спугнет ни одного подворотного пса, не потревожит домашней твари!..

Ближе и ближе, - и кривится невидимое лицо ее, и дрожат когти, - голодно ей, голодно! Мука ей, мука! Кы-ы-ысь! Кы-ы-ысь!

Вот она подкрадывается к жилью, вот глазыньки-то закрыла, чтоб лучше слышать, вот сейчас прыгнет на ветхую крышу-то, на остывшую трубу-то; вот напрягла ноги...

...В дверь стукнули: тук-тук-тук. Бенедикт вскочил, как ударенный палкой, страшным криком крикнул:

- Нет!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

- Ах, вы заняты, голубчик? Так я попозже зайду,
- из-за двери голос такой знакомый: Никита Иваныч. Господь послал!.. Господь послал!..

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

18

Утром он пошел на Ярославский рынок за овощами и у ворот рынка увидел бойкую торговлю леденцами на палочке. Данилов и сам с детства любил прозрачные, тающие во рту петушки и слоники, но сейчас очередь была уж больно длинная.

- Синий бык на палочке! Синий бык на палочке!
- по привычке повторял мужик с мешком, хотя зазывать кого-либо и не было нужды. - Синий бык кончился! - услышал Данилов. - Остались петушки и пришельцы в скафандрах!

"Мистика какая-то!" - подумал Данилов. Днем, чуть где рядом возникали разговоры о быке, Данилов отходил подальше. Флейтист Садовников признался, что был вчера на Выставке и теперь чувствует себя одураченным. "Подумаешь, показали какого-то... А я-то ждал!" Скрипач Земский заметил, что следовало на ипподроме просто выставить слова: "Прогулка гигантского синего быка". В мозгу каждого из зрителей возник бы бык и его прогулка, и это было бы настоящее искусство, а не шарлатанство, как теперь. Многие сходились на том, что сейчас в Москве, - видимо, в связи с синим быком - ощущается явный подъем мужской силы. В антракте "Спящей" Данилов попал к телевизору на программу "Время" и после показа семян, готовых к весне, увидел на экране известного комментатора Евгения Сеницына. Он сказал, что наш панкратьевский бык вызвал интерес и за рубежом, сегодня не один автобус привозил к его вольеру туристов. Прибыл в Москву взглянуть на быка и популярный странствующий рыцарь Резниковъес на кобыле Конкордии и с официантом. ("Пусть взглянет", - подумал Данилов.) И это не удивительно, отметил Сеницын, дружба сближает континенты, и вот сегодня ночью наш бык Василий посланцем сотрудничества улетит в Канаду. Данилов вперед подался. "Да, - сказал Сеницын, - сегодня бык Василий подарен известному

представителю деловых кругов Канады Андре Ришару".

О канадском миллионере Ришаре из Принс-Руперта Данилов слышал. Ришар не раз прилетал в Москву. Он был знаменит и как собиратель, имел прославленные коллекции животных, фарфора и мебели шестнадцатого века. В честь сделки он подарил Торговой палате маньеристское кресло работы ломбардских мастеров с часами над спинкой. Теперь в ответ ему преподнесли Василия. "И правильно сделали!" - сказал Данилов и пошел доигрывать "Спящую".

Он знал, что Ришар человек деловой, поэтому завтра к утру бык Василий будет в Канаде. А там пусть спит себе до конца каникул. И все же вечером Данилов Наташе звонить не стал. Мало ли что.

Он опять взял ноты Переслегина. Переслегин мог уже и получить его открытку, однако пока не откликнулся. И опять симфония Данилову понравилась. Теперь она ему не только понравилась, но и взволновала его. Ему показалось, что жизнь альта в этой симфонии - отражение его, Данилова, жизни. И изгибы чувств альта - это изгибы его чувств. Будто себя он ощутил в нервном движении альта по страницам партитуры, свои мучения и свои надежды, свою любовь и свои долги. В четвертой части он обнаружил даже летучее место, где альт, или он, Данилов, останавливается возле химчистки с намерением

получить брюки, но сейчас же набежавшая волна жизни подхватывает его и несет дальше, оставив брюки висеть. Лишь изредка альту, как и ему, Данилову, выпадали мгновения для раздумий или просто для тихих чувств, но мгновения эти были недолгие, они тут же срывались в бурю или в суету. Впрочем, все это были мысли литературные. Подобного рода мысли возникали у Данилова обычно лишь при чтении нот. Когда же он играл или слушал чужое исполнение, ему было уже не до видений и слов, тут жила музыка, она значила для Данилова больше, нежели видения, слова, а порой - и сама жизнь. "Нет, это можно сыграть! - воодушевлялся Данилов. - Я сыграю это!" Однако тут же он обдавал себя холодной водой - где он сыграет? С кем? "Неважно, где, с кем, а симфонию я приготовлю", - решил Данилов. При этом альт в его душе уже вел тему из пятой части партитуры Переслегина.

Хотя Данилов и положил себе о Кармадоне не думать, он думал о нем. И по привычке, и просто из беспокойства. И еще - он все же рассчитывал на один серьезный разговор с Кармадоном. Надо было рассказать ему о времени "Ч" и посоветоваться. А может, кое о чем и попросить... О Кармадоне он узнал вот что.

Деловой человек Ришар обещал пополнить быком Василием свою галерею редких животных. Однако сразу же по прибытии Василия в Принс-Руперт, как Данилов и

предполагал, зоологи Ришара взяли быка в оборот. Опять быка хотели усовестить и заставить его обзавестись потомством. И наверное, Ришару еще в самолете виделись тучные стада синей масти в долине Фрейзера. Бык отогнал настойчивых зоологов Ришара движением ног и покинул галерею редких животных. Как понял Данилов, навсегда.

Сутки Данилов провел в тревоге, все сигналы и шумы принимал в напряжении чувств, и в одиннадцать вечера услышал новость: на севере Канады, на берегу Гудзонова залива охотником Кеннаном замечено странное явление. Из льда на тонком стебле торчал невиданный цветок, светившийся в полярной ночи. Кеннан цветок сорвал, а корней не обнаружил. Позже лабораторным путем в диковинном растении было установлено большое содержание молибдена.

"Ну все", - вздохнул Данилов. Без промедления маршрутом Чкалова Данилов вылетел в Канаду, имея при себе лом и шанцевый инструмент. На месте цветения он понял, что ломом ему не обойтись. Лом заменил отбойным молотком. Подо льдом земля была схвачена вечной мерзлотой, раз на Кармадоне появились волопасные растения, значит, Кармадон отключился, себе не хозяин - и как бы он не замерз на вечные времена. Долго Данилов бился с канадской мерзлотой, пот с лица стирал,

наконец откопал Кармадона. Кармадон пребывал чуть ли не в состоянии замороженного, и был он уже не бык, а то странное существо с присосками, проволоками и неизвестно с чем, какое плавало у Данилова в ванне. Данилов пытался разбудить Кармадона, но где уж тут! Данилов выругался, поволок Кармадона в Останкино, к себе на квартиру. Там он сунул Кармадона в ванну и пустил горячую воду.

- Где я? - поднял веки Кармадон.

- У меня, - жестко сказал Данилов. - Каникул тебе осталось пять дней. Считай, что быком ты побыл.

- Опять я оброс волопасным... - увидел Кармадон.

Он выпил свои пилюли, скривился, окрасил воду в синий цвет и вернул себе человеческое тело.

- Так и не выспался? - спросил Данилов.

- А я спал? - Кармадон ошалело уставился на Данилова.

- Нет, ты разгуливал с гитарой по Испаниям, - сказал Данилов. - Ты ведь ас!

"Это я зря, - подумал Данилов. - Да и чего я злюсь на него! Ну возился я с ним, но я и должен был с ним возиться. Спал он, и хорошо, что спал. По крайней мере, ничего дурного не учинил. Ведь действительно устал он у волопасов, что же ему не отсыпаться!"

- Я спал! - в отчаянии ударил рукой по воде Кармадон. - Я раскис!

- Не расстраивайся, - сказал Данилов уже с некоей жалостью к Кармадону. - Ну подумаешь, спал...

- Нет, позор! Стыд-то какой! Разве я ас! Я слаб!

Кармадон чуть ли не стонал, так был расстроен.

- Что было, то было. Но я не думаю, что и теперь, - заметил Данилов, - ты проявляешь сильные стороны своей натуры.

- Ты прав, - утихнув, сказал Кармадон. - Теперь я и вовсе нюни распустил.

- Вот полотенце, вот пижама... Неужели ты ничего не чувствовал и ничего не помнишь?..

- Смутно припоминаю что-то... Точно грезы... Водили меня куда-то... Что-то заставляли

делать... А я от них шарахался... в разные углы Земли...

- Я тебе потом дам газеты. Из них ты узнаешь о некоторых своих приключениях.

- Какой позор!

Утром ему пришлось будить Кармадона. Тот хоть накануне и отказывался прилечь и просил Данилова пожалеть чистое белье, сейчас тихо спал на диване. Разбуженный, он смутился, опять корил себя, спрашивал Данилова, не знает ли тот средств, чтобы вовсе истребить в организме сон. Данилов средств не знал. Зазвонил телефон. Данилов услышал Наташу.

Экая была досада! Хоть бы Кармадон вышел куда на секунду, за сигаретами, что ли, или за почтой, так нет, вялый и сонный, он сидел в кресле. Данилов слушал милый Наташин голос, а сам боялся назвать Наташу по имени, говорил невнятно и коротко, будто хотел отделаться от Наташи.

- Что с тобой, Володя? - спросила Наташа. - Тебе неприятен мой звонок?

- Нет, я так ждал его, - сказал Данилов, но тут же оглянулся на Кармадона. - Видишь ли, я очень спешу...

- Ну, извини, - сказала Наташа и положила трубку.

- Подожди!.. - чуть ли не вскричал Данилов.
- Кто это? - спросил Кармадон.

- А-а-а! - хмуро махнул рукой Данилов. - Так...

"А впрочем, может быть, оно и к лучшему, что Наташа теперь позвонила, - подумал Данилов, - через пять дней я ее найду и извинюсь..."

- Кофе готов, - сказал Данилов. - Вот бутерброды с сыром. Что ты намерен делать нынче?

- Не знаю, - протянул Кармадон.

- Ну смотри, - сказал Данилов. - Посиди дома. Включи телевизор. Почитай газеты со статьями о тебе...

- Что ж, давай, - поморщился Кармадон.

Данилов, как всегда поутру, гладил электрическим утюгом черную бабочку для ямы. Из кухни он слышал громкие стенания Кармадона над ежедневными газетами. Данилов зашел в комнату.

- Мало того, что я спал, - поднял голову Кармадон и сказал печально, - но мне еще и спать не давали. Покой нам только снится...

- Это кто тебе сказал?

- Сам понял...

- Знаешь что, - предложил Данилов, - если ты более не намерен отдыхать, может быть, ты сходишь в парную? В Сандуны или в Марьинские бани. Сам я сегодня не могу, но я тебе адрес дам...

- В какую уж тут парную, - вздохнул Кармадон.

Он чуть ли не плакал. Такой ли он прибыл на Землю из своей волопасной далекой и бурной жизни! Тогда он был устал, но могуч, тогда он верил в себя и верил в свои грядущие подвиги, рискованные, но уж и со страстями, тогда он был вулкан, а теперь он - пластмассовая пепельница с угасшими окурками. Тогда он имел своим девизом слова: "Ничто не слишком", а теперь ему, наверное, было бы стыдно вспомнить о них. Тогда он был бас, а теперь он тенор, лирический и тихий, способный спеть лишь Трике, да и то в народной опере мукомолов. Укатали Кармадона волопасные бдения, видно, и асом со спецзаданием он уже не мог себя ощутить.

Восемь дней назад, при явлении Кармадона, вышло само собой, что Данилов почувствовал себя стационарным зрителем, принявшим влиятельного камергера, когда-то

однокашника. То есть так низко Данилов себя не ставил, но что-то подобное ощутил. Пусть и минутное, но ощутил. Теперь же Данилов готов был стать чуть ли не опекуном Кармадону, так все в госте изменилось за неделю.

Данилов погладил брюки, тут он услышал возглас Кармадона:

- Ну это уж слишком! "Синий бык - имп..!" Данилов, разве такое могло быть?! Даже и во сне?

- Как тебе сказать... - осторожно начал Данилов.

Кармадон швырнул на пол газету с заметкой о странном поведении принципского синего быка (так швыряют рецензии, отметил Данилов, разобрав только, что рецензия ругательная, и не желая вдаваться в подробности из чувства протеста и самосохранения). Кармадон смотрел теперь на Данилова, и Данилов знал: Кармадон надеется, что он, Данилов, сейчас назовет газету бессовестной.

- Значит, было что-то... - сказал Данилов.

- Они врут! - возмутился Кармадон и взглядом превратил газету в туалетную бумагу. - Что же, и эта Синтия входила ко мне? И заявила, что бык -

импотент? Да как она посмела! Да я разыщу ее теперь!..

- Она входила. И так сказала. И была возмущена быком Мигуэлем не меньше, чем ты теперь ею...

- О ужас! Ужас! - Кармадон закрыл глаза и откинул голову. - Я так мечтал побыть синим быком! И я ведь был синий бык!

- Да, ты был бык, - согласился Данилов.

- Нет, после такого позора мне надо проситься куда-нибудь на последнее дело! Пыль какую-нибудь пересыпать в канавах на Сатурне, чтобы дурачить звездочетов!

И Кармадон затих.

- Оставь эти мрачные мысли, - сказал Данилов. - У тебя еще все впереди. Успокойся.

- Нет, после этой газеты я не успокоюсь! Иначе мне хоть и не возвращаться с каникул... У тебя есть гантели?

- Есть, - сказал Данилов, - пятикилограммовые.

- Хорошо. Я начну с зарядки.

- Начни... Потом сходи в парную.

- И схожу. Я себя пересилю.

"А что, - подумал Данилов, - и пересилит..."

- Тоже мне Синтия! - покачал головой Кармадон. - И коровы этого Бурнабито! Небось какие-нибудь дохлые и забитые...

Однако вечером, вернувшись с исполнения "Барабанщицы", Данилов опять увидел Кармадона унылым. На кухонном столике он обнаружил чужую газету, грязную, мятую, и на ней - следы закуски. И запахи на кухне стояли чужие.

- Пил с кем-нибудь? - спросил Данилов.

- Да. В бане познакомился с двумя.

- Кто такие?

- Из вашего дома. Один водопроводчик. Коля. Другой из твоего театра. Скрипач. Земский. Николай Борисович.

- Да, - кивнул Данилов. - Земский у нас сегодня на больничном. Люмбаго. Зад, что ли, он в бане-то грел?

- Нет, выше.

- И кем же ты им назвался?

- Твой детский друг. Содержались вместе в детском доме. Теперь живу в Сибири. Специалист по молибдену.

- Сибирь большая.

- Мне старуха, которая у вас внизу сидит, то же самое сказала. На твоём месте я давно бы эту старуху превратил в растение. Я ей объяснил, что я из Иркутска.

- Что же, Иркутск - хороший город, - сказал Данилов. - Но ты опять не в духе?

- А-а-а! - махнул рукой Кармадон. - А может, это все от познания?

- Что от познания?

- Ну... - смущенно сказал Кармадон, - странный случай с Синтией и... другие странные случаи...

- Не понял.

- Может быть, бессилие мое от излишнего познания?

В глазах Кармадона была печаль, будто он открыл в себе болезнь, от какой его дальнейшая жизнь могла выйти лишь сплошным страданием. "А ведь он кроткий сегодня, - подумал Данилов. - Прежде он непременно бы

привратницу Полину Терентьевну произвел в кактус или в авоську с большими дырами, а нынче был деликатным и с ней, и с Земским, и с водопроводчиком Колей..." Тихая жалость к Кармадону опять возникла в Данилове. Он простил Кармадону повешенную Наташей трубку.

- Почему же именно от познания? - спросил Данилов, спросил не для себя, а как бы давая Кармадону возможность усомниться в истории собственной болезни.

- Данилов, ты наблюдал наших знатоков и теоретиков? Они лысы, беззубы и бессильны от познания!

- Зубы-то тут при чем? - искренне удивился Данилов. - Потом ты... то есть такие, как мы с тобой, и не слишком удручали себя познанием. Да нам и не надо. Мы практики, у нас дела, катаклизмы, чувства, нам в этой суете некогда... Теоретики, мыслители, знатоки - они оттого и теоретики, что они изначально бессильны. Или успели обессилеть, вот и пошли в мыслители... Об облысении я не говорю. Это другой вопрос... Наконец, мыслителям и знатокам нужно познавать и мыслить и по долгу службы. Им отведено время и пространство, все мгновения для них остановлены, а тут... - Данилов чуть было не добавил, что эти теоретики-мыслители, наверное, и обедать с

горячими блюдами успевают каждый день, но удержался.

- Ты не прав, - сказал Кармадон, и опять с печалью. - Это в нас уже не истребить. Это в нас - профессиональное, демоническое. Мы ведь, к несчастью, духи познания. Ты что, забыл? Да, я практик, демон действия, я реалист и презираю мыслителей и знатоков, но я жаден. До всего жаден. И сам того не желая, впитываю в себя чувственные и деловые познания! А они, может, меня и погубят! Может быть, они для меня окажутся сильнее откровений аналитических натур! Ты прав, те и начинали с того, что были бессильны. А если обессилею я! Если я иссякну!

- Просто ты не спал у волопасов. Вот и вся причина.

- Нет, Данилов, это от познания. От познания!

Данилов понял, что Кармадона не сдвинешь. Данилов был спорщик, порой и отчаянный, спорить мог о всяких предметах, в том числе и ему незнакомых, в особенности с Муравлевым и духовиками из оркестра. Но сейчас он не хотел спорить. То ли устал на "Барабанщице", то ли еще отчего. Он догадывался, отчего. Много в его жизни скопилось большого, важного, такого, что Данилов обещал себе обдумать или решить. Однако в житейской суете он то и дело откладывал обдумывания и решения до лучших

времен, посчитав, что уж пусть пока все идет как идет. И сегодня Данилов не желал раздувать спор, какой мог привести неизвестно к чему. И было еще одно обстоятельство. Данилову вдруг показалось, что он холоден к волнениям Кармадона, что эти демонические сомнения его, Данилова, как будто бы и не касаются, словно сетования погонщика оленей на толкотню москвичей в троллейбусах.

Данилов принес коньяк и ликер "Северное сияние", купленный им в бенефисный день синего быка на мадридской корриде. На всякий случай предложил Кармадону коньяк, но вкус у того не изменился.

- Да, Данилов, - сказал Кармадон, - мы с тобой жили чувствами! Мы не из тех, кто обожает точные науки и умствования сухих голов, Любомудров, кто готов с лупой обползывать взглядом все закоулки изловленных душ! Ты знаешь, я люблю вихри, наваждения, спирали того, что люди называют злом, напасти, буйное лихо, тут - моя стихия, тут я - деятель, решительный и рискованный. Тут я жаден, оттого и взял девизом - ничто не слишком.

Данилов чуть было не признался, что у него свои взгляды на зло, наваждения, лихо, но промолчал.

- Но действовать, - сказал Кармадон, - это ведь не стекла бить, не кровь высасывать на манер вурдалака, не править бал! Да и стал бы я уважать себя, если бы к волопасам меня послали пробки выкручивать в подворотнях! Там нет пробок и нет подворотен, это я так, для земной ясности. Нет, мне поручили всю цивилизацию. Я должен был смутить цивилизацию, и я ее смутил. Я повернул ее ход и сам не понял еще куда. Повернул мягко и даже изящно, ничто не скрипнуло и не сломалось! Как мастер я был доволен. Но чего мне это стоило!

Тут Данилов чуть было не дал Кармадону понять, что он забылся и говорит о вещах, которые ему следовало бы держать за зубами. В дружеской беседе тем более.

- Я вынужден был изучить всю их цивилизацию насквозь, понять ее, а у них ведь и философии есть, да объемистее и рискованней земных, и привычки покрепче философий! Я путал их сновидения, но не с наскока и не подпуская соблазнов - они от них устали! Нет, я должен был как бы создать свежую философию, оснастив ее новейшими данными точных наук, чтобы глиры ей поверили. И этой философией пропитать их сны! Каково! Но ведь я и сам отравлялся знанием. Я от него уставал и мучился. От него, а не от бессонницы! А что дальше? Ведь эдак такое узнаешь, что не только

обессилеешь навсегда и обретишь равнодушие. Но и спросишь: а зачем? Зачем я путал волопасам сны? Зачем мы? Зачем я? Зачем мне бессмертие?

Кармадон замолчал. Данилов тут же хотел опять сказать Кармадону, что усталость пройдет, что кому-кому, а именно им с Кармадоном беды от познания не грозят. Какие уж, мол, у них такие познания! Но смолчал, понял, что слукавит. Да, излишних знаний сам он, Данилов, избегал. Но каких? Тех, что могли бы войти в него, словно программа с перфокарты в математическую машину, сами собой и без его, Данилова, усилий и мучений. Кому что! Данилов говорил себе, что если он будет знать все вширь и вглубь до бесконечности, жить ему станет скучно. Всё о прошлом знать он, пожалуй, был согласен, однако тут не все архивы были ему доступны... Ну, ладно...

Иному человеку, прилежному подписчику журнала "Здоровье", доставляет удовольствие ежесекундно чувствовать, в какой из его кишок и в каком виде находится сейчас пища и какая из костей его скелета куда движется. Данилову однажды любопытно было изучить, что у человека внутри, но помнить всегда о своих капиллярах, брыжейке, артериях, венах, седалищном нерве ему было бы противно. Тогда он был бы не Данилов, а мешок с кровеносными сосудами и костями. Он знал, что музыка любит счет. Он жил этим. Он брал ноты

и в каждой вещи первым делом видел свою арматуру, свои опорные балки, свои перекрытия и ложные своды. Но это его профессиональное знание тут же уходило куда-то далеко-далеко, было таким же естественным, как и умение пальцев Данилова иметь дело со смычком и струнами. Если бы вся математика была для него главным в музыке, Данилов давно бы разбил инструмент, — не Альбани, конечно. Музыка была его любовь. Любовь он мог принять только по вдохновению, а не по расчету. И жизнь его была - любовь. Любовь же требует тайн, преувеличений, фантазий, удивления, считал Данилов, — на кой ему нужна любовь холодного ума! Холодный ум чаще всего и обманывается. И уж, как правило, своего не получает. Что-то получает, но не свое.

Как известно, Данилов еще в лицейские годы имел возможность все знать, все чувствовать, все видеть. Возможностью этой он пренебрег, от скуки демонических откровений его стали мучить мигрени и колики в желудке. Он прикинулся легкомысленным простаком с малым числом чувствительных линий. Медицинская комиссия Данилова не раскусила, и он был освобожден от Большого Откровения. Освобожден без томительных волокит: в ту пору вышел циркуляр, не писанный, но разъясненный, - не всех лицеистов одаривать Откровением, дабы не принести вреда ни им, ни делу. Данилов, если б захотел, мог тайно, в единое мгновение все знать, все чувствовать,

все видеть, он сохранил в себе это умение, но он и специальным-то аппаратом познания средних возможностей (ПСВ-20), врученным ему с лицейским дипломом, пользовался редко. И то в служебных целях. А не для себя. Для себя он все открывал сам, будто человек. Но уж зато какую радость доставляли ему эти открытия! Сейчас он вдруг подумал, что Кармадон, наверное, прав, ведь и в самом деле разумом и чувствами и он, Данилов, впитал в себя столько знания, что и представить трудно! И чужие открытия вошли в него - мелодией, словом, линией, цветом, знаком препинания. Но вошли в него не сами собой, а словно бы притянутые его натурой! И пока они нисколько не пугали его. Напротив, они входили в его радости, в его страдания, в его любовь и его музыку! Они делали их звучнее и ярче.

Однако теперь слова Кармадона расстроили Данилова: а вдруг печали Кармадона имеют основания? И наступит время, когда он, Данилов, устанет от жизни и музыки, как скрипач Земский? Вдруг в познании - гибель?

- Новый Маргарит, - сказал Кармадон, - пошел в мыслители, и ты бы видел, на кого он стал похож!

Кармадон поморщился. Новый Маргарит, брат Кармадона, прежде выглядел вполне спортсменом.

- Он мне жалок. А Новый Маргарит говорит, что ему сладко ощущение вечности. Что, по-твоему, - вечность?

- Ну... - задумался Данилов. - Ощущение вечности... наверное, это когда для тебя свершившееся не исчезает, а будущее уже свершилось...

- Ну хотя бы! Сладко ли тебе было бы это ощущение?

- Свершившееся-то пусть не исчезает, - сказал Данилов. - А в том, чтобы будущее уже свершилось, для меня никакой нужды нет.

- Так на кой нам с тобой ощущение вечности!

- Что зарекаться заранее? - сказал Данилов. - А вдруг когда-нибудь захочется ощутить вечность?

- Ну и ощущай! - обиделся Кармадон.

"О чем это я! - подумал Данилов. - Захочется вечность ощутить! В последние мгновения перед временем "Ч"! Данилову стало ясно, что если направление разговора не изменится, толку будет мало. Кармадон думает сейчас о своем, он - о своем. "Пусть он выговорится, - решил Данилов, - душу отведет, я уж потом как-нибудь вставлю словечко о времени "Ч". И

нечего мне пока разводить турусы на колесах..." Тотчас же Данилову на ум пришла мысль, что он подумал безграмотно, турусы на колесах - это древние осадные башни на колесах, и как их можно разводить! При этом Данилов не мог не отметить, что в его натуре, на самом деле, осело много мелкого знания, вроде как об этих турусах. А зачем оно ему - неизвестно. Если только помогать Муравлеву решать кроссворды. Но Муравлев подписан на энциклопедию с укороченным текстом, уже выкупил четырнадцать томов.

- Эх, Данилов, - сказал Кармадон. - Что же мне теперь - и девиз менять? Ничто не слишком! Кабы так! Вот тебе и ничто не слишком! А ведь я был спокоен в уверенности, что эти слова - мои... Неужели я стану мелким? А может, крамола заведется у меня в голове? Ужас-то какой!

- Пройдет все! - махнул рукой Данилов.

- А эта... Синтия, - спросил Кармадон. - Она хоть интересная женщина?

- Она не в моем вкусе. Но многим нравится.

Кармадон опустил голову, притянул к себе бутылку "Северного сияния", опять выпил из горла весь напиток. Жидкость в бутылке тут же восстановилась.

Данилов, понимая, что улавливает мгновение не бескорыстно, все же поддался слабости и спеша, но и смущаясь, рассказал Кармадону о лаковой бумажке со временем "Ч" и ловком порученце Валентине Сергеевиче. Инструмент работы Альбани в рассказ не вошел. При этом Данилов отдавал себе отчет в том, что, если бы Кармадон сидел сейчас перед ним спелым асом со спецзаданием, каким явился в первый день каникул, он, Данилов, ни единого слова о времени "Ч" произнести бы не смог.

- Что, что? - переспросил Кармадон, подняв голову.

Данилов повторил.

- Эко тебя... - выговорил Кармадон. - Кто же этот Валентин Сергеевич? Вошь, наверное, какая-нибудь... - Удивленный новостью, он, естественно, думал прежде о мелочах, отставив суть дела пока в сторону.

- Ты в ведомстве Канцелярии от Того Света? - спросил Кармадон.

- Да, - кивнул Данилов.

- В Канцелярии от Того Света, так... - думал вслух Кармадон, - там у меня... - Он бровь сдвинул, обозначив напряжение мысли. Спросил: - А ты, часом, ничего не натворил?

- Да нет, - пожал плечами Данилов, - ничего эдакого... Если только мелочи какие...

- Честно? - строго спросил Кармадон.

- Честно, - кивнул Данилов, но не слишком решительно.

- Ладно, - кивнул Кармадон. - Не отчаивайся... Ведь ты же способный демон! Я-то тебя знаю... Мы разберемся... И я... И Новый Маргарит... Он теперь на вершине...

Кармадон опять откусал "Северного сияния". Он был сейчас добр к Данилову, он жалел его, как жалел себя, приняв Данилова за жертву познания.

- Выручим! - ребром ладони Кармадон ударил по столу.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

Шеврикука,

или Любовь к приключению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские Истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

4

"Ну нет! Все! - повторял Шеврикука уже дома. - Час пробил! Они ещё спохватятся, они еще приползут с горячими словами... Но все! Час пробил! Рубикон..." Какой еще Рубикон, сейчас же возмутился Шеврикука. Этот мухомор и свежий выдвиженец Петр Арсеньевич одарил его Рубиконом, и истребить память о нем не было у Шеврикуки хлорофоса. Или нафталина.

"Рубикон! Чаша Грааля!" - не при лицейских ли кафельных печах обитал в свои золоченые дни Петр Арсеньевич, и ныне обласканный?

Летел, что ли, он за ним, Шеврикукой, вчера, чтобы бормотать вслух? Хоть бы и летел, пусть его намеки и подсказки и останутся при нем, а он, Шеврикука, будет жить и сгоряча, и опрометчиво. И не испугает его надзирающий взгляд уполномоченного в шелковой поддевке, бывшего липецкого дяди, бывшего сантехника, умыкнувшего унитаза, — напротив, лишь подтолкнет его к крайностям и полетам. Но найдет ли управу Шеврикуке этот так называемый Любохват?

Шеврикука относил себя к сведущим, умел слушать и расспрашивать, и что-то не помнил никакого Любохвата. Нигде такой прежде не проходил. Возможно, был вызван или поднят из сургучовых недр, и прозвище, сладкое, как тульская коврига, получил во временное пользование. Его дело. Шеврикуке всё одно - дядя он или уполномоченный Любохват!

Так храбрился, хорохорился в обиде и гордыне Шеврикука, задирая себя и своих недругов, находящихся, впрочем, в отдалении. Сам же, утвердив себя в малахитовой вазе, принимал в расчет неловкость своего положения. Пробил уже не час, а по крайней мере двадцать один час с той секунды, когда решение было им бесповоротно принято. Но сразу, посчитал Шеврикука, нестись и вздыматься на Башню было бы некрасиво. Понятия "красиво" и "некрасиво" были

чрезвычайно важны для Шеврикуки и сберегались в его алмазном фонде. К тому же нестись сразу было не только некрасиво. Возникли бы и подозрения... Но это все были отговорки. Шеврикука ощутил, что соваться на Башню робеет. Не то чтобы робеет (хотя и робеет), но находится в смущении оттого, что не знает, как и с чем на Башню являться в его нынешнем случае. Сто раз полагал, что рано или поздно ворвется туда, но разрабатывать практический план действий брезговал, в уверенности, что все и так выйдет прекрасно и само собой. То есть получалось, что в нем жило лишь одно упование или даже греза, а холодной готовности не было никакой.

Что же, теперь ему впорхнуть туда и обрадовать неизвестно кого: "Здравствуйте, это я, Шеврикука!" Впрочем, один вариант явления Шеврикука в голове держал. Но сегодня он никак не подходил. И опытом удальцов последних лет, — иных из них Шеврикука знал, — воспользоваться он не мог. А уже утекали на Башню домовые. И пропадали там. Не возникало от них ни слуху ни духу. Ни строчки, даже и зашифрованной. Их называли предателями, перебежчиками, расстригами. Исчезли осенью два идеально послушных домовых. Чтобы в головах, подверженных соблазнам, не воспалились смута и ложные порывы, было разъяснено, что этих двух идеальных Отродья с Башни, растоптавшие всякие понятия о чести, выкрали для

проведения страшных опытов. А потому предлагалось бдеть и блюсти себя. Обещали также усилить средства защиты и покрасить пограничные столбы. Каким образом утекали на Башню останкинские расстриги (хотя кто и когда подвергался здесь пострижению?), Шеврикука имел представление, но пробираться их тропинками не желал.

"А! Будь что будет! - решил Шеврикука. - Что сидеть-то здесь и робеть! И воробьиного птенца не высидишь!" Крепкой оставалась в нем досада, да и температура поднялась отчаянная, сбить какую можно было лишь либо действием, либо снадобьем, но от него пришлось бы впасть в спячку сроком на семь месяцев. Уже уносясь к Башне, Шеврикука нашел в себе трезвые мысли и, как требовалось, отослал воздушной почтой докладную записку о противоправных действиях домового Продольного и его соучастника, назвавшегося дядей. Приметы прилагались.

Разгон Шеврикуки был таков, что он, невидимый, чуть ли не ударился в одну из бетонных ног Башни, придуманных инженером Никитиным. Протекала темно-синяя июньская ночь, а на Башне копошились труженики, двери двигались, и Шеврикука, не впадая в раздумья, способные отвлечь, влетел в одну из продувных щелей. А дальше что? Тут тебе не музыкальная школа, в часы отдохновений

пустая, тут - телевидение, да еще и кабак в небесах с интересом к иностранцам, отсюда люди не уходят, они мешают здесь и в собачьи, и в волчьи, и в петушинные часы, — и где же следует искать истинных хозяев Башни? Или: где ему необходимо оказаться, чтобы истинные хозяева эти его, Шеврикуку, учуяли, обнаружили и приняли во внимание?

Что и как внутри Башни, было Шеврикукой изучено зимой и весной. Да и во многих коридорах, буфетах, аппаратных, студиях, залах и даже туалетах Шеврикука побывал тогда исследователем, набросал и чертежи для лучшего воздействия на память (и сразу их сжег). Надеялся он и на свой нюх, на подсказки своей натуры, много чего испытывавшей. Он предполагал, где могли бы оказаться гнезда отродий (сейчас он и в мыслях не называл хозяев Башни Отродьями - вдруг мысли его читают), в тех местах и курсировал. Потом подумал: а что, если его, невидимого, никто или ничто не почувствует, не засечет, ни на одном экране его силуэт не засветится? Моментально принял вид жителя останкинских улиц и проездов, стал передвигаться по коридорам деловито, будто отбывал ночную смену. Выглядел он необходимым работником, в одном месте ему доверили отнести бухту кабеля ("Кому?" - спросил Шеврикука. - "Как кому? - удивились. - Или не помнишь? Пашке, едрена вошь!"), в другом - отругали за

неповоротливость, вручили электрический полотер и велели пройти с ним коридор от огнетушителя до мужского туалета. Всюду спрашивали, нет ли сигарет, и это при требованиях "Не курить!".

Натирал паркет Шеврикука со старанием, увлекся, но никто к нему не являлся ни от людей, ни от духов. Но только он прислонил полотер к стене, как его взяли под белые руки и повлекли ввысь.

Кто его волок, возносил в черной пустоте рядом с трубой для поднебесных лифтов, Шеврикука понять не мог. Похоже, существ легких, — возможно, пушистых, — была стая, они суетились, толкались, верещали, шелестели, перекрикивались целлулоидными кукольными голосами из детских радиопередач, будто ускоренным движением пленки, и обидно для Шеврикуки щипались. "Что вы щиплетесь-то! - не выдержал Шеврикука. - Сдурели, что ли!" Он локтями повел, норовя кого-нибудь из воспарителей в назидание садануть, но те заверещали громче, засмеялись, явно радуясь неприятностям Шеврикуки. "Ах! Ах! Ах! А он недотрога! Недотрога! А он, оказывается, цветок жасмин! Ах, давайте, давайте его совсем не будем касаться! Ах, давайте его выпустим!"

"Выпустим! Выпустим! Выпустим!" Сразу же началось свободное падение Шеврикуки, приостановить его он не мог, закричал в испуге: "Эй, вы! Хватайте меня! Вам же велели меня

доставить!" Шеврикука был согласен теперь и на щипки, и на щекотания. "Разрешил! Разрешил! Бесценный-то наш, ненаглядный-то наш! Барин наш ласковый! Разрешил! Хватайте его! Хватайте! Несите!"

И Шеврикука со свистом и смехом был изловлен, раскручен и вброшен в дикое помещение, ударился о стену, — впрочем, не больно. Зажегся фонарь в чьей-то руке или лапе, луч его бил в глаза Шеврикуке.

"Садитесь! - услышал Шеврикука. - Выкладывайте сразу, зачем пришли". "Я, что ли? - спросил Шеврикука, устраиваясь на полу, на мятом матрасе, — возможно, на татами. - А ни за чем. Просто так пришел. Прогуляться. Познакомиться".

- "Ну и представляйтесь. Как вас именуют?" - "А никак, - сказал Шеврикука. - Пока никак. Да и не вижу я никого, кому бы следовало представляться. Не этой же шушере шелестящей". "Как он прав! Ведь как он прав!" - тотчас восторженно заторопились целлулоидные кукольные голоса, и легкие, шелестящие спутники Шеврикуки стали подпрыгивать невдалеке. "Как справедливо подумало о нас ихнее сиятельство! Благоухающий наш! Нежнейший! Что же сидите-то вы так неловко? Эдак и нога затечет! И брюки примять можно! Надо поправить! Надо

удостоить нежнейшего!" К Шеврикуке подлетели, схватили его — и не руками, не лапами, а клешнями, — крутанули, и не раз, потом, держа за ноги, шмякнули носом о стену. Стоять на голове прислоненным к стене и оставили Шеврикуку.

"Да отпустите его! - прозвучал недовольно, скрипуче голос взрослого. - Усадите. Не надоело ли вам дурачиться!" Шеврикуку усадили: "Ах, конечно, конечно, мы же обидели ребенка", угостив его при этом жестким апперкотом. Фонарь погас, справа и слева включилась желтоватая подсветка, и метрах в пяти перед собой Шеврикука увидел небольшое (с чемодан ростом) существо, — возможно, механического происхождения. Трехчастное. Верхняя и нижняя части его были в ширину равны, средняя - чуть уже. Сразу же Шеврикука предположил, что верхняя часть собеседника - это его голова, средняя - туловище, нижняя, понятно, - ноги. Ног собеседник имел три. Или это были три планки. Нет, решил Шеврикука, планки - плоские, а тут - объемы, словно бы ребра старого водяного радиатора. Или палки нунчаки. Уже ведя разговор, Шеврикука подумал, что три симметричные "ногам" подробности головы - возможно, два уха и нос. В отличие от ног уши и нос двигались, — правда, строго по горизонтали, то раздвигая, то сжимая голову-гармонь и отражая, вероятно, вибрации чувств собеседника. "Интересно, а какие у него могут

быть дети? - задумался вдруг Шеврикука. И сам себе удивился: - При чем тут дети?"

- Значит, - сказал гармонь-радиатор, - зовут вас никак. И кто вы - неизвестно.

- Известно! Известно! - из-под потолка, из черно-желтой мороки опять заторопились кукольные голоса. - Зовут его Шеврикука. Он домовый двухстолбовый, то есть о двух подъездах, здания № 14 по 5-й Ново-Останкинской улице, в простонародье Землескреб.

Шеврикука кивнул. Он не опечалился: если располагали сведениями, то, стало быть, это именно те, на кого и следовало выходить. Или, вернее, не сами те, а хотя бы щупальца тех.

- Да, располагаем. И выясняется, что вы нам неинтересны. А потому вас надо вернуть к полотеру. Если, конечно, в причинах вашего явления сюда нет чего-либо примечательного.

- Чего-либо нет, - хмуро сказал Шеврикука. - Но теперь я чувствую себя неучтивым. Вы знаете, кто я, я же не ведаю, как называть вас.

- О! Это ли теперь должно вас заботить? - Планки растянулись, собеседник то ли удивился, то ли рассмеялся. - Называйте хоть Риббентропом. Так зачем вы пришли? И с чем?

- Ни за чем. И ни с чем, - решительно сказал Шеврикука.

- Если вы полагаете, что вам предоставят более значительного собеседника, то вы ошибаетесь. Других собеседников у вас не будет. Вы стоите на своем?

- Стою, - сказал Шеврикука, впрочем, после некоего молчания.

- Да он же секретный агент! Он же замочную скважину ищет! И игольное ушко! - ожили сразу над Шеврикукой кукольные голоса, заверещали, завибрировали, расталкивали друг друга. - Секретный агент! А мы-то глаза занавесили! Ату его! Ату! На шампур его и в реактор! В печь термостойкую! Агента задрипанного!

- Цыц! А вы (уже Шеврикуке), означенный двухстолбовый, не правы. Пожалуй, я зря пообещал отправить вас к полотеру. Вы вспомните: кто-нибудь из домовых, ушедших к нам, вернулся в Останкино? Никто. Желаете себя сохранить - произнесите существенные слова. Хотя бы два слова. Времени у нас нет. У вас - тем более.

Как на японском мелком календаре, при смещении его, возникает новая картинка, так при резком движении собеседника Шеврикуке открылась вместо горизонталей гармони-

радиатора (или сквозь них?) фигура, явно схожая с человеческой, и синие глаза блеснули, однако тут же видение исчезло. "Что он хочет от меня? - думал Шеврикука. - Какие два слова ему произнести? "Чаша Грааля", что ли?"

Собеседник вздрогнул:

- Да, да! Хотя бы два слова!

- Нет у меня никаких слов, - сказал Шеврикука.

- Что же вы нам голову морочите! - воскликнул собеседник. - Что от дел отвлекаете! В порошок его, в сыпучий! Под зад коленом! В реактор, в режим распада! Под зад коленом! Триста плетей по обезвоженным местам!

Дальнейшее Шеврикука помнил плохо. Его опять подхватили, теперь уже с гиканьем и посвистом, крутили, трясли, пинали, то в пропасти швыряли, то винтом возносили в поднебесье, и все в Шеврикуке замирало, засовывали в недра жестяной бочки и били по ней кувалдами, потом втиснули в ржавую водопроводную трубу и сжатым воздухом погнали на восток. Здесь сознание Шеврикуки погасло.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

L.

Двенадцатая буква английского алфавита, а также еврейского, в котором амеф означает - Бык-бодец, знак одной из форм бога Марса, зарождающего божества. Эта буква эквивалентна числу 30. Еврейское божественной имя соответствующее Л, есть Лиммуд, или Доктус.

ЛАБАРУМ (Лат.) Знамя, которое несли впереди древнеримских императоров, с изображением орла на нем как знака верховной власти. Это была длинная пика с пересекающей ее под прямыми углами материей. Константин заменил орла христианской монограммой с девизом *In hoc signo vinces*, что позднее было переведено в *In hoc signo vinces*. Что касается этой монограммы, она является комбинацией букв X, Chi и P, Rho, начального слога слова Христос. Но Лабарум был эмблемой Этрурии за века до Константина и христианской эры. Он был также знаком Озириса и Гора, которого часто изображают с длинным латинским крестом, тогда как греческий нагрудный крест является чисто египетским. В своем труде "Упадок и гибель" Гиббон раскрыл обман Константина. Этот император, если он вообще когда-то имел видение, должно быть увидел Олимпийского Юпитера, в вере в которого он и умер.

ЛАБРО Римский святой, торжественно канонизирован несколько лет тому назад. Его великая святость выражалась в том, что он сидел около одних из ворот Рима день и ночь в течение сорока лет, и все это время оставался немым. Он был съеден паразитами до костей.

ЛАБИРИНТ (Греч.) Египет имел "небесный лабиринт", в который ныряли души умерших, а также его представитель на земле, знаменитый Лабиринт, ряд подземных залов и коридоров с самыми неожиданными поворотами. Геродот описывает его как состоящего из 3 000 помещений, половина из которых находилось под землей, половина - снаружи. Даже в его время посторонних не допускали в подземные части, так там хранились гробницы строивших Лабиринт царей и другие тайны. "Отец Истории" нашел этот Лабиринт уже после в развалинах, но тем не менее считал его и в полуразрушенном состоянии гораздо более чудесным, чем пирамиды.

ЛАКТАНТИЙ Отец Церкви, провозгласивший гелиоцентрическую систему еретическим учением, а доктрину о странах противоположного полушария - "заблуждением, изобретенным Дьяволом".

ЛАДАК Долина в верховьях Инда, населенная тибетцами, но принадлежащая радже Кашмира.

ЛЕСТНИЦА В мистических философиях и системах имеется много "лестниц", которые все употреблялись - а некоторые и поныне употребляются - в соответствующих мистериях разных народов. Браминская Лестница символизирует Семь Миров или Сапта Лока; Каббалистическая Лестница - семь низших Сефиротов; о Лестнице Иакова говорится в Библии; Лестница Мифры также есть "Таинственная Лестница". Кроме того, существуют Лестницы розенкрейцеров, скандинавов, Борсипы, и т.д. и, наконец - Теологическая Лестница, которая, согласно Брату Кеннету Маккензи, состоит из четырех главных и трех теологических добродетелей.

ХОЗЯЙКА СИКАМОРА Тип египетской богини Неит, которую часто изображают проявляющейся на дереве и протягивающей с него плод Древо Жизни, а также и Воду Жизни, своим поклонникам.

ЛАЭНА (Лат.) Мантия, которую носили авгуры, и которой они покрывали свои головы во время созерцания полета птиц.

ЛАГАШ (Кабб.) Сокровенная речь; эзотерическое заклинание; почти идентично с мистическим значением Вак.

ЛАДЖА (Санскр.) "Умеренность"; полу-богиня, дочь Дакши.

ЛАКХ (Санскр.) 100 000 единиц - монет или чего-либо другого.

ЛАКШАНА (Санскр.) Тридцать два телесных отличия Будды, знаки, по которым его узнают.

ЛАКШМИ (Санскр.) "Благосостояние", счастье; индийская Венера, родившаяся в процессе пахтания океана богами; богиня красоты и супруга Вишну.

ЛАЛИТА БИСТАРА (Санскр.) Знаменитая биография Шакья Муни, Владыки Будды, написанная Дхармаракчей в 308 г. н.э.

ЛАМА (Тибет.) Пишется "Clama". Это звание, правильно примененное,

относится только к жрецам высших степеней, к тем, кто могут служить как гуру в монастырях. К несчастью, каждый обыкновенный член гедуна (духовенства) называет себя или позволяет именовать себя "ламой". Настоящий лама есть посвященный и трижды посвященный гелонг. Со времени реформы, осуществленной Цонг-к'а-пой, в теократию этой страны опять вкрались многие злоупотребления. Существуют "ламы-астрологи", чакханы, или цикхани (от tsigan, "циган"), ламы-предсказатели, и даже такие, которым позволено жениться и которые вообще не принадлежат к духовенству. Однако, их очень мало в Восточном Тибете, они живут, главным образом, в Западном Тибете и в сектах, которые не имеют ничего общего с го-лук-па (желтыми шапками). К сожалению, востоковеды, почти ничего не зная об истинном положении дел в Тибете, смешивают Чойчонгов из ламасерия Гурмакхайи (Лхасса) - Посвященных Эзотериков - с шарлатанами и дуг-па (колдунами) сект Б'он. Неудивительно, что - как Шлагинтвейт говорит в своем "Буддизм в Тибете" - "хотя изображения Царя Чойчонга ("бога астрологии") встречаются в большинстве монастырей Западного Тибета и Гималаев, мои братья никогда не видели ламу Чойчонга". Это вполне естественно. Ни Чойчонги, ни Хубилханы (см.) не наводняют эту страну. Что касается "Бога" или "Царя Чойчонга", то он не более "бог астрологии", чем любой другой "Планетарный" Дхиан Коган.

ЛАМРИН (Тибет.) Священный том предписаний и законов, написанный Цонг-к'а-пой "для продвижения знания".

СТРАНА ВЕЧНОГО СОЛНЦА Предание помещает ее за арктическими областями у Северного Полюса. Это есть "страна богов, где солнце никогда не заходит".

ЛАНГ-ШУ (Кит.) Название перевода сочинения Нагарджуны "Экашлока Шастра".

ЛАНКА (Санскр.) Древнее название острова, теперь именуемого Цейлоном. Это также название горы на юго-востоке Цейлона, где, как передает традиция, находился город, населенный демонами, который назывался Ланкапури. Он описан в "Рамаяне" как город грандиозных размеров и великолепия, "с семью широкими рвами и семью громадными стенами из камня и металла". Его построение приписывается Вишва-Карме, который воздвиг его для Куверы, царя демонов, от которого его получил Равана, похититель Ситы. "Бхагават Пурана" показывает, что Ланка или Цейлон первоначально был вершиной Горы Меру, которую обломил Вайю, бог ветра, и швырнул в океан. Теперь он стал центром южно-буддийской Церкви, Сиамской Секты (возглавляемой ныне Верховным Жрецом Сумангалой),

представителем чистейшего экзотерического Буддизма по эту сторону Гималаев.

ЛАНУ (Санскр.) Ученик, то же, что "чела".

ЛАО ЦЗЫ (Кит.) Великий мудрец, святой и философ, предшествовавший Конфуцию.

ЛАПИС ФИЛОСОФОРУМ (Лат.) "Философский камень"; мистический термин в алхимии, имеющий совершенно иное значение, чем то, которое ему обычно приписывают.

ЛАРАРИУМ (Лат.) Помещение в доме древних римлян, где наряду с другими семейными реликвиями сохранялись Лары, или домашние боги.

ЛАРЫ (Лат.) Их было три вида: *Lares familiares*, стражи и невидимые главы семейного круга; *Lares parvi*, небольшие идола, употреблявшиеся для гадания и предсказания; и *Lares praestites*, которые должны были сохранять порядок среди других. Лары суть маны или духи развоплощенных людей. Апулей говорит, что надгробная надпись - Богам-манам, которые жили - означало, что Душа преобразилась в лемура; и добавляет, что, хотя "человеческая Душа есть демон, которого наши языки могут обозначить как гения", и "является бессмертным богом, хотя в некотором смысле она родилась в то же время, что и человек, в котором она находится, все же мы можем сказать, что она умирает так же, как родилась." На более ясном языке это означает, что лары и лемуры суть просто оболочки, сброшенные Эго, высшей и духовной и бессмертной Душой, оболочка которой, так же как и ее астральное отражение, животная Душа, умирает, тогда как высшая Душа сохраняется на протяжении вечности.

ЛАРВА (Лат.) Животная Душа. Ларвы суть тени живших и умерших людей.

ЗАКОН ВОЗДАНИЯ (См. "Карма".)

ЛАЙА или **Лайам** (Санскр.) От корня Ли, "исчезать, разлагаться", точка равновесия (нулевая точка) в физике и химии. В оккультизме - точка, в которой вещество становится однородным и неспособным взаимодействовать или дифференцироваться.

ЛИВАН (Евр.) Горная цепь в Сирии с немногочисленными остатками гигантских кедров, леса которых некогда покрывали ее вершину. Предание гласит, что здесь добывали строительный материал для храма Царя Соломона. (См. "Друзы".)

ЛЕМУРИЯ Современный термин, вначале употреблявшийся некоторыми натуралистами, а теперь принятый теософами для обозначения континента, который, согласно Тайной Доктрине Востока, предшествовал Атлантиде. Его восточное наименование немного открыло бы европейскому уху.

ЛЕОН, Мозес де. Имя еврейского раввина XIII столетия; его обвиняют в составлении "Зохара", который он выдал за подлинный труд Симеона Бен Иохан. Полное его имя в "Каббале" Мейера дано как раввин Мозес бен-Шем-Тоб де Леон из Испании; этот же автор очень хорошо доказывает, что де Леон не был автором "Зохара". Немногие скажут, что он был, но каждый должен подозревать Мозеса де Леона в значительном искажении первоначальной "Книги Великолепия" (Зохара). Этот грех, однако, он может разделить со средневековыми "христианскими каббалистами" и особенно - с Кнорром фон Розенротом. Несомненно, ни раввина Симеона, осужденного на смерть Титом, ни его сына, раввина Елиезера, ни его секретаря, раввина Аббу, невозможно обвинить в том, что они ввели в "Зохар" чисто христианские догмы и доктрины, измышленные Отцами Церкви спустя несколько столетий после смерти упомянутых раввинов. Это было бы несколько великоватой натяжкой утверждаемого божественного пророчества.

ЛЕВИ, Элифас. Настоящее имя этого ученого каббалиста было аббат Альфонс Луи Констант. Элифас Леви Захед был автором нескольких сочинений по философской магии. Будучи членом "fratres Lucis" (Братья Света), он когда-то был также священником, аббатом римско-католической Церкви, которая сразу же поспешила лишить его духовного сана, как только он стал известен как каббалист. Он умер примерно двадцать лет тому назад, оставив пять известных трудов - "Dogme et Rituel de la Haute Magie" (1856); "Histoire de la Magie" (1860); "La Clef des grands Mysteres" (1861); "Legendes et Symboles" (1862); "La Science des Esprits" (1865); помимо других менее значительных сочинений. Его стиль крайне легкий и очаровывающий, но, пожалуй, со слишком сильным привкусом осмеивания и парадокса, чтобы стать идеалом для серьезного каббалиста.

ЛЕВИАФАН В библейском эзотеризме - Божество в его двойном проявлении добра и зла. Это значение можно найти в "Зохаре" (II, 34b). "Раввин Симеон сказал: Труд начала ("творения") сотоварищей (кандидаты) изучают и постигают; но малые (полные или несовершенные Посвященные) суть те, кто понимают указание на труд начала с помощью Тайны Змия Великого Моря (то есть) Тханнина, Левиафана." (См. также "Каббала" И.Мейера.)

ЛЕВАНА (Евр.) Луна, как планета и астрологическое воздействие.

ЛХА (Тибет.) Духи высших сфер; отсюда - название Лхассы, резиденции Далай-Ламы. Титул Лха часто дается в Тибете некоторым Нарджолам (Святым и адептам-Йогам), овладевшим великими оккультными силами.

ЛХАГПА (Тибет.) Меркурий, планета.

ЛХАКАНГ (Тибет.) Храм; крипта - главным образом подземный храм для мистических церемоний.

ЛХАМАЙИН (Тибет.) Элементалы-эльфы низшего земного плана. Народная фантазия делает из них демонов и чертей.

ЛИФ (Сканд.) Лиф и Лифтхресир - два единственных человеческих существа, которым было позволено присутствовать при "Обновлении Мира". Будучи "чистыми и невинными, и свободными от грешных желаний, они допускаются в мир, где теперь царит покой". "Эдда" изображает их скрывшимися в лесу Ходмимира, видящими сны детства, пока проходит последнее столкновение. Эти два существа и аллегория, в которой они принимают участие, суть намек на немногие народности Четвертой Коренной Расы, которые, пережив большое затопление своего континента и основной части своей Расы, перешли в Пятую и продолжили свою этническую эволюцию в нашей нынешней Человеческой Расе.

БРАТЬЯ СВЕТА Вот что крупный специалист по тайным обществам, Брат Кеннет Р.Х. Маккензи IX, говорит об этом Братстве. "Мистический орден, "Fratres Lucis", основанный во Флоренции в 1498 г.. Среди членов этого ордена числились Пасквали, Калиостро, Сведенборг, Сен-Мартен, Элифас Леви и многие другие знаменитые мистики. Его члены сильно преследовались инквизицией. Это небольшое, но сплоченное общество, члены его имеются по всему миру."

ЛИЛА (Санскр.) Буквально, игра; или развлечение. В ортодоксальных индуистских Священных Писаниях разъяснено, что "деяния божества суть лила", или игра.

ЛИЛИТ (Евр.) По еврейскому преданию - демоница, которая была первой женой Адама, до того как была сотворена Ева; полагают, что она имеет фатальное влияние на матерей и новорожденных младенцев. Лил есть ночь, а Лилит есть также сова, и в средневековых сочинениях является синонимом Ламии или демона женского пола. (у.у.у.)

ЛИЛ ИН (Евр.) Дети Лилит и их потомки. "Лилит есть Матерь Шедим и Мукишим (обольстителей)." Поэтому, каждый класс Лил-инов в демонологии евреев суть черти. (См. "Зохар", II, 268а.)

ЛИМБУС МАЖОР (Лат.) Термин, употребленный Парацельсом для обозначения первичной (алхимической) материи; "земля Адама".

ЛИНГА или Лингам (Санскр.) Знак или символ абстрактного творения. Сила становится органом порождения лишь на этой земле. В Индии имеются 12 больших Лингамов Шивы; некоторые из них находятся на горах и скалах, а также в храмах. Таков Кедареша в Гималаях, большая и бесформенная груда камня. По своему происхождению Лингам никогда не имел грубого значения, связанного с фаллосом - идеи целиком более позднего происхождения. Этот символ в Индии имел то же значение, что и в Египте - просто что творческая и порождающая Сила божественна. Он также указывает, кем был двойственный Творец - мужским и женским, Шивой и его Шакти. Грубая и неприличная идея, связанная с фаллосом, не индийская, но греческая и преимущественно еврейская. Библейские бетелы были настоящими приапическими камнями, "Бэт-эл" (фаллос), в которых обитает Бог. Тот же символ был скрыт внутри ковчега Завета, в "Святая Святых". Таким образом, "Лингам" даже как фаллос не есть "символ Шивы" исключительно, но каждого "Творца" или творящего бога в каждой народности, включая израильтян и их "Бога Авраама и Иакова".

ЛИНГА ПУРАНА (Санскр.) Священное писание шайвов или поклонников Шивы. В нем Махешвара, "великий Владыка", сокрытый в Агни Линге, разъясняет этику жизни: долг, добродетель, самопожертвование и, наконец, освобождение с помощью и посредством аскетической жизни в конце Агни Кальпы (Седьмого Круга). Как справедливо заметил профессор Уилсон: "Характер этого символа настолько мало влияет на Дух (фаллического) культа, насколько это вообще можно

вообразить. Здесь нет ничего подобного фаллическим оргиям древности; он всецело мистический и духовный."

ЛИНГА ШАРИРА (Санскр.) "Тело", т.е. эфирный символ тела. Этот термин обозначает доппелгенгера или "астральное тело" человека или животного. Это есть эйдолон греков, жизненное и прототипное тело; отражение человека из плоти. Оно рождается раньше, и умирает или исчезает вместе с исчезновением последнего атома тела.

ЛИПИ (Санскр.) Писать. См. "Липики" в томе I "Тайной Доктрины".

ЛИПИКИ (Санскр.) Небесные рекордисты, "Писцы", те, кто ведут учет каждого слова и деяния, сказанного или совершенного человеком, находящимся на этой земле. Как учит Оккультизм, они суть посредники Кармы - Закона воздаяния.

ЛОБХА (Санскр.) Жадность; алчность, сын, происшедший от Браммы в недобрый час.

ЛОДУР (Сканд.) Второе лицо в троице богов в "Эдде" древне-скандинавов; отец двенадцати великих богов. Лодур наделяет первого человека - сделанного из ясеня (Аск) - кровью и цветом.

ЛОГИ (Сканд.) Букв., "пламя". Этот великан с сыновьями и своей родней в конце концов раскрыли себя как виновников всех катаклизмов и пожаров в небесах или на земле, позволив смертным узнать себя посреди пламени. Эти великаны-дьяволы все были врагами человека, стараясь уничтожить его труд везде, где бы ни нашли его. Символ космических элементов.

ЛОГИИ (Греч.) Сокровенные беседы и учения Иисуса, содержащиеся в Евангелии от Матфея - в первоначальном еврейском, а не в поддельном греческом тексте, который мы имеем - и сохраненные эбионитами и назареями в библиотеке, собранной Памфилом, в Кесарее. Этим "Евангелием", названным многими писателями "подлинным Евангелием от Матфея", пользовались, согласно Св. Иерониму, назареи и эбиониты Берои, Сирия, в его время (4-й век). Подобно Апоррете, или тайным сообщениям Мистерий, эти Логии могли быть поняты лишь при наличии ключа к ним. Посланный епископами Хроматием и Гелиодором, Иероним, после получения разрешения, перевел их, но нашел "трудной задачей" (поистине!) согласовать текст "подлинного" с текстом поддельного греческого евангелия, с которым он был знаком. (См. "Раз. Изиды", II, 209 и далее.)

ЛОГОС (Греч.) Проявленное божество у каждой нации и народа; внешнее выражение или следствие вечно сокрытой причины. Так, речь есть Логос мысли, поэтому и переводится соответствующим образом как "Глагол" и "Слово", в ее метафизическом смысле.

ЛОХИТАНГА (Санскр.) Планета Марс.

ЛОКА (Санскр.) Область или ограниченное место. В метафизике - мир или сфера, или план. Пураны в Индии постоянно говорят о семи и четырнадцати Локах, выше и ниже нашей земли; о небесах и адах.

ЛОКА ЧАКШУБ (Санскр.) "Око Мира"; название Солнца, Сурьи.

ЛОКА ПАЛЫ (Санскр.) Держатели, правители и стражи мира. Божества (планетарные боги), которые контролируют восемь стран света, среди которых имеются Чатур (Четверо) Махараджей.

ЛОКИ (Сканд.) Экзотерически, скандинавский Злой Дух. В эзотерической философии - "противостоящая сила" - только из-за ее дифференциации от первичной гармонии. В "Эдде" он - отец ужасного Волка Фенрис и Змея Мидгард. По крови он брат Одина, доброго и героического бога; но по натуре он его противоположность. Локи-Один есть просто двое в одном. Если Один, в одном смысле, есть жизненный жар, то Локи является символом страстей, порожденных интенсивностью первого.

ЛОРЕЛЕЙ Немецкая копия скандинавской "Озерной Девы". Ундина есть одно из названий этих дев, которые в экзотерической Магии и Оккультизме известны как элементалы Воды.

ПОТЕРЯННОЕ СЛОВО (Масон.) Вообще-то, следовало бы писать "потерянные слова" и утерянные тайны, поскольку то, что обозначено как потерянное "Слово", совсем не есть слово, как и в случае с Неизреченным Именем (см.). Степень Королевской Арки в Масонстве "искала его" с тех пор, как она была основана. Но "мертвые" - особенно умерщвленные - не говорят; и если бы даже "Сын Вдовы" вернулся к жизни "материализованным", он вряд ли бы мог открыть то, что никогда не существовало в такой форме, как теперь учат. Шемхамфораш (особое имя, силою которого, согласно его завистникам, Иешу Бен Пандира творил свои чудеса после того, как оно было похищено им из Храма) - произведено ли это от

"самосушей субстанции" Тетраграмматона или нет, никогда не может быть заменителем утерянного логоса божественной магии.

ЛОТОС (Греч.) Очень оккультное растение, священное в Египте, Индии и других местах; названная "дитя Вселенной, несущее подобие своей матери в своей груди". Аллегория гласит, что было время, "когда мир был золотым лотосом" (падма). Большое разнообразие этих растений, от величественного индийского лотоса, до болотного лотоса (трилистник птичьей лапки) и греческого "Dioscoridis", употребляют в пищу на Крите и других островах. Это вид кувшинки, сперва привезенный из Индии в Египет, в котором он не произрастал. См. "Архаический Символизм", Отдел VIII, "Лотос, как Всемирный Символ".

ЛОТОС, Владыка его. Титул, относимый к различным творящим богам, также как и к Владыкам Вселенной, символом которой является это растение. (См. "Лотос".)

ПРАЗДНИКИ ЛЮБВИ, Агапэ (Греч.) Эти празднества милосердия, отмечавшиеся самыми ранними христианами, были учреждены в Риме Климентом, во время правления Домициана. "Агапэ или Тайное Мировое Общество (Wiltbund) Первоначальных Христиан" профессором А. Кестнера (опубликовано в 1819 г. в Иене), говорит об этих Празднествах Любви как об "имеющих иерархическое строение, и содержащих основу масонского символизма и Мистерий", и показывает прямую связь между древними Агапэ и Table Lodges, или пирами франкмасонов. Однако, исключив из своих вечеров "святой поцелуй" и женщин, пиры последних являются скорее праздниками "питья", нежели "любви". Ранние Агапэ, несомненно, представляли то же, что и Phallica, которые "были некогда столь же чисты, как и Праздники Любви ранних христиан", как очень справедливо замечает м-р Бонвик, "хотя подобно им быстро выродились в распущенность". ("Eg. Belief and Mod. Thought", с. 260.)

НИЗШИЙ ЛИК или Низшее Лицо (Кабб.) Термин, относящийся к Микропросопусу, как "Высший Лик" - к Макропросопусу. Оба они идентичны с Длинным Ликом и Коротким Ликом.

ЛУБАРА (Халд.) Бог Эпидемии и Болезни.

ЛЮЦЕФЕР (Лат.) Планета Венера как яркая "Утренняя Звезда". До Мильтона Люцифер никогда не было именем Дьявола. Как раз наоборот, так как в "Откровении" (XVI, 22) христианскому Спасителю вложены в уста слова о себе: "Я есмь... яркая утренняя

звезда", или Люцифер. Это имя носил один из ранних римских пап, а в четвертом веке даже существовала христианская секта, члены которой назывались люциферианами.

ЛУЛЛИЙ, Раймунд. Алхимик, адепт и философ, родившийся в 13 веке на острове Майорка. Про него утверждают, что в момент нужды он изготовил для короля Англии Эдуарда III несколько миллионов золотых "роузноблей", и таким образом помог ему победоносно закончить войну. Он основал несколько школ для изучения восточных языков, и кардинал Ксимен был одним из его покровителей и высоко ценил его, также как и папа Иоанн XXI. Он умер в 1314 г. в весьма почтенном возрасте. Литература сохранила много фантастических рассказов о Раймунде Луллии, который могли бы составить крайне необычайный роман. Он был старшим сыном сенешаля Майорки и унаследовал от своего отца большое богатство.

ЛУННЫЕ БОГИ В Индии их называют Отцами, "Питри", или лунными предками. Они подразделяются, как и все остальное, на семь классов, или Иерархий. В Египте, хотя луна получала там меньше поклонения, чем в Халдее или Индии, Изида все же выступает как представитель Луны-Лунус, "небесного Гермафродита". Любопытно, что в то время, как у современных народов луна ассоциируется лишь с лунатизмом и зарождением, древние, которые знали больше, связывали с ней - как индивидуально, так и коллективно - своих "богов мудрости". Так, в Египте лунные боги суть Тот-Гермес и Хонс, в Индии это Будха, сын Сомы, луны; в Халдее Нэбо есть лунных бог Сокровенной Мудрости, и т.д. Жена Тота, Сификс, лунная богиня, держит шест с пятью лучами или пятиконечную звезду, символ человека, Микрокосма, в отличие от Семеричного Макрокосма. Поскольку во всех теогониях богиня предшествует богу - по принципу, очевидно, что цыпленок вряд ли может предшествовать своему яйцу - в Халдее луна считалась более старшей и почитаемой, чем Солнце, потому что, как они утверждали, тьма предшествует свету при каждом периодическом возрождении (или "сотворении") вселенной. Озирис, несмотря на то, что связан с Солнцем и является солнечным богом, все же родился на горе Синай, ибо Син есть халдео-ассирийское название луны; таким был и Дио-Нис, бог из Ниссы или Ниси, причем последнее слово было названием Синая в Египте, где он назывался Горой Нисса. Полумесяц не является - как доказано многими писателями - эмблемой турков, но был принят христианами в качестве символа еще до магометан. На протяжении веков полумесяц был эмблемой халдейской Астарты, египетской Изиды и греческой Дианы - все они суть Царицы Небесные, - и, наконец, стал символом Девы Марии. "Греческая христианская империя Константинополя считала его залогом своей безопасности. После победы турков, султан принял его... и с тех пор полумесяц был противопоставлен идее креста." ("Eg. Belief".)

ЛУПЕРКАЛИИ (Лат.) Величественные народные празднества, отмечаемые в древнем Риме 15 февраля, в честь Бога Пана, во время которых Луперки, старейший и самый почитаемый из жреческих должностных лиц, приносил в жертву двух козлов и собаку, а двум из самых прекрасных юношей приходилось бежать вокруг города нагими (не считая набедренных повязок), бичуя всех встречных. Папа Геласий отменил Луперкалии в 496 г., заменив их шествием с зажженными факелами в тот же самый день.

ЛУКСОР (Оккульт.) Составное слово, образованное из lux (свет) и aur (огонь), означающее, таким образом, "Свет (божественного) Огня".

ЛУКСОР, Братство. Определенное Братство мистиков. Намного лучше было бы, если его название никогда не было бы разглашено, так как это повело к тому, что большое число людей, действовавших из самых лучших побуждений, было обмануто и лишено денег неким поддельно-мистическим обществом спекулянтов, возникшим в Европе лишь для того, чтобы быть разоблаченным и сбежать в Америку. Это название произошло от Древнего Лукшур в Белуджистане, расположенном между Бела и Каджи. Этот орден очень древний и самый древний из всех. Бесполезно повторять, что его члены отрицают всякую связь с "H.V. of L." и tutti quanti коммерческих мистиков, будут ли они из Глазго или из Бостона.

ЛИКАНТРОПИЯ (Греч.) Физиологически, болезнь или мания, во время которой человек воображает, что он волк, и действует как таковой. Оккультно это означает то же самое, что и "оборотень", психологическую способность определенных колдунов оборачиваться волками. Вольтер указывает, что в округе Джура за два года, между 1598 и 1600 годами, слишком христианским судьей были преданы смерти более 600 ликантропов. Это не означает, что пастухи, обвиненные в колдовстве, и которых видели как волков, на самом деле имели способность физически превращаться в таковых; но просто то, что они обладали гипнотической силой заставить людей (или тех, кого они считали врагами) поверить, что те видят волка, когда на самом деле ничего такого не было. Проявление такой способности действительно представляет собой колдовство. "Демоническое" одержание в основе своей истинно, за исключением черт христианской теологии. Но здесь не место для обширных дискуссий по оккультным тайнам и магическим силам.

(продолжение предполагается)

ДУРАК

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как вы и я)
Тряпкам, костям и пучку волос;
Все это пустою бабой звалось;
Но дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как вы и я).

О, года, что ушли в никуда, что ушли,
Головы и рук наших труд —
Все сожрала она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем: не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Что дурак растранижил, всего и не счесть
(Впрочем, как вы и я):
Будущность, веру, деньги и честь;
Но леди вдвое могла бы съесть.
А дурак — на то он дурак и есть
(Впрочем, как вы и я).

О, труды, что ушли, их плоды, что ушли,
И мечты, что вновь не придут, —
Все сожрала она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем: не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Когда баба ему отставку дала
(Впрочем, как вам и мне),
Видит Бог — она сделала все, что могла!
Но дурак не приставил к виску ствола.
Он жив. Хотя жизнь ему не мила.
(Впрочем, как вам и мне.)

В этот раз не стыд его спас, вовсе нет,
Не упреки, которые жгут:
Он просто понял: не знает она.
Что не знала она, и что знать она
Ни черта не могла тут.

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананишвили

Цитата номера:

**Знания —
это свет, а за
свет надо
платить.**

< И Б И С >

№ 19

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000 USA. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла с названиями типа "tunn07" (номера с 1-го по 17-й) или "ibis19" (номера с 18-го по...) журнал бесплатно предоставляется на почтовом сервере <http://www.mailru.com> с именем\адресом eugenelev@fromru.com и паролем academia. Там можно выбрать любое количество статей номера, для чего, возможно, потребуется войти на сайт и через опцию "управление файлами" ("file manager") предварительно посмотреть содержание номера (файл "Contents"): для этого он обычно автоматически распаковывается и просматривается. Затем выбрать желаемый файл №... (то есть интересующую Вас статью; а о чём она, там написано) — и его\её себе скачать. Впоследствии для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо (для редактора Word-9/0\2000) установить режим Print Layout View, 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Тел.: (095) 493-54-87 (редактор)

E-mail: eugenelev@fromru.com (редактору)

Адрес в Интернете: <http://www.arimoya.narod.ru>

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога